ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ПУДЕЛЬКУ,

или

Приключения Шмортика и Барбóне

Паоло Кольбакко

Паоло Кольбакко

По направлению к пудельку, или Приключения Шмортика и Барбо́не

«Автор»
2023

Кольбакко П.

По направлению к пудельку, или Приключения Шмортика и Барбóне / П. Кольбакко — «Автор», 2023

Книга-оммаж классической детской литературе, которую всю жизнь читают и перечитывают взрослые. Детский приключенческий роман для взрослых. Если вы до сих пор не можете забыть свои первые впечатления от Карлсона, если Винни-Пух и Маленький принц - ваши герои по жизни, если вы все еще надеетесь встретить Питера Пэна, если вы читали Поттера не только по-русски, но и по-английски - то это книга для вас. Книгу можно читать как самостоятельно, так и вместе с ребенком среднего школьного возраста: аллюзии из классической литературы радуют взрослого, ребенку намекают на пока незнакомые “подтексты".

© Кольбакко П., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Глава 1, в которой Барбо́не говорит с мамой, а Андерсен рассказывает про шаровую молнию 5
Глава 2, в которой появляется Шмортик и Барбо́не мчится сквозь дождь быстрее скорости ночи 10
Глава 3, в которой Барбо́не попадает на заброшенную фабрику и знакомится с ее обитателями 16
Глава 4, в которой Шмортик раскрывает большую тайну, а Барбо́не готовит ужин 21
Глава 6, в которой Барбо́не не может уснуть, а Андерсен вспоминает былое 27
Глава 8, в которой Лили Марлен нарушает диету, а Барбо́не почти выдает тайну 36
Глава 9, в которой Барбо́не идет на ужин к родителям 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Паоло Кольбакко
По направлению к пудельку, или Приключения Шмортика и Барбóне

Глава 1, в которой Барбóне говорит с мамой, а Андерсен рассказывает про шаровую молнию

– Да, мама, хорошо…

– Так ты обязательно выйди на улицу, нужно гулять каждый день. Хотя бы полчаса!

Барбóне с тоской посмотрел в окно, по стеклу часто бежали крупные капли дождя, ветер с остервенением пытался вырвать из земли старую липу, что росла перед домом. Дерево отчаянно сопротивлялось.

– Обязательно, мама…

– Ты только для вида даешь мне ответики, ты никогда меня не слушаешь.

Барбóне перевел взгляд от окна на фотографию в рамке, стоящую на столике рядом с телефоном. Строгая тётенька с узким лицом, очень похожим на мордочку таксы, смотрела с портрета, немного наклонившись вперед. Легкое неодобрение читалось в ее взгляде. По рамке, повторяясь по кругу несколько раз, шла серебряная надпись с завитками “Любимая мамочка”. Этот портрет мама подарила Барбóне на его седьмой день рождения.

– Нет, правда, сейчас пойду погуляю…

Липа за окном скрипела и держалась на ветру из последних сил. Страшный гром зазвенел в стеклах, с улицы донеслись звуки автомобильной сигнализации.

– Что это у тебя там? Ты опять что-то уронил?

– Нет, это гроза, на улице.

– Какая гроза? Что ты придумываешь все время? У нас солнце светит!

– Ну, а у нас сильная гроза – это же далеко…

– Что ж ты сразу не сказал! Тогда никуда не ходи ни в коем случае. Вот ведь додумается тоже – на улице гроза, а он пойдет гулять! И закрой все окна, ты знаешь, как шаровая молния залетела в дом и чуть не убила бабушку, когда она шила у окна?

– Да, мама, я помню…

– Вот ты послушай, как это было. Бабушка как-то раз сидела у окна и шила для тебя пеленки из старых простыней. А между прочим, раньше подгузников не было. Какой это был все-таки ужас с этими пеленками. И каждый раз, как только тебе поменяешь пеленку, ты моментально норовил в нее надуть! Ты всегда был такой непослушный, с самого раннего детства. Хотя, когда ты родился, ты был славный малышик! Докторша в роддоме, что тебя принимала, протянула мне сверток: “Ma che carino, guarda che barbone!”[1] – она была итальянка, маленькая с большим носом, и очень опытная. Все хотели попасть именно к ней. Я посмотрела – и правда, Пуделёк Барбóне. Так мы тебя уже с папой и стали звать с тех пор. Так о чем это я?..

– Про шаровую молнию.

– А, ну да: бабушка сидела у окна и шила… Так а разве я тебе не рассказывала эту историю? Ведь рассказывала?

– Конечно, рассказывала, мама…

[1] Какой милый, что за пудель! (итал.)

– Ну так что же ты молчишь тогда!? Как будто мне заняться нечем! Ладно, пойду, а то ты меня совсем заболтал, ей богу. Надо еще отца кормить. И ни в коем случае не ходи сегодня на улицу. И закрой все окна. И повыключай все электроприборы. И поешь как следует.

–

Да, мама, хорошо…

Барбо́не повесил трубку и посмотрел на фотографию на столе. ‘Интересно’, подумал он, ’а когда мама была еще девочкой, кем она тогда командовала?’. Барбо́не присел на корточки и задумался. Вот мама – тогда еще девочка-мама – учит дедушку правильно курить: “Ну кто же так курит? Так только табак переводить и никакого толку. Затягивайся по-человечески”. Дедушка послушно пыхтит трубкой, старательно выполняя мамины указания. ‘Да, примерно так, наверно, и было’ – подумал Барбо́не и снова посмотрел на фото. Ему показалось, что мама с портрета глядит на него теперь особенно неодобрительно.

Тем не менее, подумал Барбо́не , выйти на улицу все-таки придется. Сегодня понедельник, а значит у него выходной. За неделю подъелись почти все запасы, в холодильнике осталось только полбутылки молока и пакет с салатом. И нужно было покормить Андерсена.

“Ой, а где же Андерсен?” – подумал Барбо́не .

– Андерсен, а Андерсен? Скажи, пожалуйста, а когда мама была маленькая, она учила дедушку, как надо правильно курить?

Барбо́не огляделся вокруг – Андерсена нигде не было видно. Он встал на колени и заглянул под кровать – что-то округлое и объемное лежало там глубоко в темноте.

– Андерсен? Это ты? – позвал Барбо́не , – иди есть зеленый салат. Или хочешь молока?

Барбо́не запустил руку под кровать как можно дальше и пошарил. Кто-то несильно укусил его за указательный палец. “Наверно, он обиделся за вчера” – подумал Барбо́не .

– Андерсен! Ну вылезай оттуда, пойдем завтракать. Я вчера работал до самой ночи, потом мы еще немного поговорили с Красной Шапкой про жизнь, а потом я подумал, что ты уже спишь и не стал шуметь…

Там внизу под кроватью послышалось шуршание, потом сопение, которое медленно приближалось. Спустя минуту кожаная лысая голова появилась из-под кровати и посмотрела вверх на Барбо́не со значением. Андерсен был черепахой, он жил в семье Барбо́не последние лет сто и передавался с рук на руки от родителей к детям как наследство. Андерсен открыл рот, потом закрыл, немного помолчал и заговорил, обиженно подбирая слова:

– Я как дурак… сижу дома… жду тебя… готовлюсь… перебрал всю гречку… вычистил коврик у двери… а ты пришел… и даже не сказал мне ни слова… сразу в койку… и спать… как будто меня вовсе нет тут…

– Ну Андерсен! Ну прости меня… Пойдем лучше завтракать – только и нашелся что сказать Барбо́не , а про себя подумал – “Почему я вечно должен перед кем-то оправдываться? А ведь я не делаю ничего такого…” Барбо́не засунул Андерсена себе под мышку и пошел на кухню к холодильнику.

Вас, наверно, удивляет, что Андерсен ведет с Барбо́не такую содержательную беседу? И напрасно, потому что такие вещи случаются сплошь и рядом. Просто в большинстве своем люди слишком заняты собой, чтобы замечать, что рядом с ними каждый день случается что-то интересное. Пока человек еще совсем маленький и не умеет говорить сам, он просто лежит и внимательно слушает, что происходит вокруг, и слышит намного больше, чем взрослые. И как смеются деревья, когда его везут в коляске на прогулку. И как входная дверь приветствует папу, когда он пришел с работы. И что хочет сказать кошка, когда она урчит на коленях у мамы. И многое-многое другое. Но потом, когда маленький человек учится говорить сам, он тратит все силы на то, чтобы его поняли взрослые. А это очень большое напряжение для маленького человека! И он уже почти не слышит те, другие звуки вокруг. Вернее, он их слышит, но постепенно забывает, что они означают. Он теперь намного лучше умеет сказать маме, что она самая

лучшая мама – и мама каждый раз очень радуется этому сообщению. Но вот говорить с кошкой становится очень сложно, она совершенно не понимает человеческие слова. Так всегда устроено в жизни, ведь известно, что, если где-то что-то прибавится, то где-то в другом месте ровно столько же убавится. А потом, когда подросший человек идет в школу и узнает такие слова, как “уравнение” и “сказуемое”, он обычно, вообще, забывает почти все, что с ним было до тех пор. Вот много ли вы помните из того времени, когда вам было 3 года? А ведь все 365 дней в том году вы занимались самыми разными и часто очень важными делами, но потом совершенно забыли все это, как будто ничего и не было.

Но так происходит не всегда. Потому что не все люди одинаковые. Вот Барбо́не , например, прекрасно общался с Андерсеном, хотя и был уже совсем взрослым. Барбо́не , вообще, был особенным – потому что он был *гнум*. Вы же знаете, кто такие *гнумы?*

– Он не курил, потому что он был очень правильный – задумчиво сказал Андерсен из подмышки.

– Кто не курил? – удивился Барбо́не

– Дедушка не курил. И он занимался спортом. Он вообще был очень правильный. Твой дедушка. Ты на него очень похож. И внешне, и так тоже.

Барбо́не никогда не видел своего дедушку, потому что того не стало, когда мама еще не встретила папу, а Барбо́не еще не родился. Про дедушку мама говорила “Он ушел к праотцам” и Барбо́не считал, когда был маленький, что это как будто ушел в поход, и должен потом вернуться.

– А я почему-то думал, что у дедушки была трубка. И он бы такой высокий, и веселый.

Андерсен задумался.

– Нее, он был как ты. Такой небольшой и правильный дедушка. Он бегал по утрам, потом водные процедуры. Шел на работу. А вечером читал газету. Пил мятный чай с медом. Принимал ножные ванны и ложился спать. Я вот думаю, что ты бы с ним хорошо поладил… Но вот маму он очень сильно любил. И всегда ее слушался.

– Я ее тоже очень люблю, – сказал Барбо́не , а про себя подумал “Конечно, жалко, что мы живем так далеко друг от друга, но все же и хорошо. Очень уж она деятельная, моя мама”

– Что она тебе сказала?

– Велела закрыть окна и выключить электроприборы.

– Да, все правильно. Вот ты, наверно, этого не помнишь, а когда ты был еще совсем маленький, в дом залетела шаровая молния…

– Да, я помню… это было ужас-ужас как страшно…

– …И вот, а бабушка сидела у окна и перешивала старые простыни тебе на пеленки. Вот раньше подгузников не было…

Барбо́не понял, что знаменитую историю про шаровую молнию ему все равно придется сегодня прослушать в полной версии. Эту историю он слышал каждый раз, когда гроза заставала его в компании мамы или Андерсена. И если маму через раз удавалось переключить на что-то еще (например, пойти поснимать белье с улицы или позакрывать окна), то Андерсен всегда добирался до конца этой драматической истории, не взирая ни на что.

– … ты с детства был такой непослушный! – продолжал Андерсен, очевидно, заканчивая про пеленки и коварство Барбо́не в младенческом возрасте, – …И вот, сидит, значит, бабушка у окна. Шьет тебе пеленки. И так она увлеклась, что совсем не заметила, как все вокруг потемнело. И как бы замерло. Затихло в ожидании чего-то страшного. И тут, смотрит она, прямо перед ней в саду двигается между деревьев такой светящийся шар. Ну размером, где-то с футбольный мяч. И двигается он как-то странно. Как будто он живой. Остановится у дерева, немного повисит, подумает. Потом к другому дереву перейдет. У того задержится на несколько секунд. Туда-сюда колышется и дальше плывет по воздуху. Как будто он ищет чего-то. А бабушка просто остолбенела и дар речи потеряла. А шар как будто ее заметил и двинулся

в ее сторону. Так неспешно, но очень целенаправленно. Тут бабушка вскочила и побежала от него вглубь дома…

Барбо́не положил Анденсена на кухонный стол и полез в холодильник. Все место на нижней полке занимали разнообразные лекарства, настойки, мази и натирки – Андерсон считал, что любые медикаменты следует хранить при постоянной температуре +4°. Средняя полка была занята вареньем – Барбо́не наваривал осенью десятки литров варенья; самое нежное – землянично-сливочное или ревень с ванилью и кардамоном – хранилось в холодильнике, менее ценное – в подполье. На дверце одиноко стояло полбутылки молока. В поддоне внизу увядали остатки зеленого салата – последние дни ему было уже совсем нехорошо.

‘Надо сходить в магазин. Но гроза!’ – озабоченно подумал Барбо́не , глядя в окно – ‘Даже и зонт не открыть – вон что делается, унесет вместе со мной, и буду я болтаться там в небе среди дождя и града, и молний, а потом меня выкинет за сотни километром отсюда – где-нибудь в Китае… и там все будет совсем по-другому. Например, там…”

– … ‘Остановись, дальше ты не пройдешь’ – закричала она страшным голосом. И выставила руки перед собой. А ты спал в своей кроватке в соседней комнате. И ничего не знал. – Андерсен сделал драматическую паузу, как артист в театре – И что ты думаешь? Молния замерла, потом начала крутиться на месте. Быстрее-быстрее, еще быстрее, еще быстрее и вдруг – бабушка только и успела, что закрыть глаза – она взорвалась с оглушительным шумом. Вот здесь на кухне все и произошло. Лампочки по всему дому перегорели. Разом сломались все часы, какие у нас были. А с бабушкой все хорошо. Только ожоги на руках. И она стала какая-то тихая. Знаешь, так замрет и как будто прислушивается к чему-то. Или как бы смотрит куда-то в будущее.

– Андерсен, будешь молока? Или могу сварить нам манную кашу. Пополам с малиновым вареньем? Салат я тебе не рекомендую, он уже тоже замер и смотрит куда-то в будущее.

– Покажи.

Барбо́не достал салат и протянул его Андерсену.

– Вот еще! – Андерсен возмущенно затряс головой, – Дай сюда, я съем! Продукты переводить. Отличный салат. Закрывай уже холодильник, весь холод выпустишь.

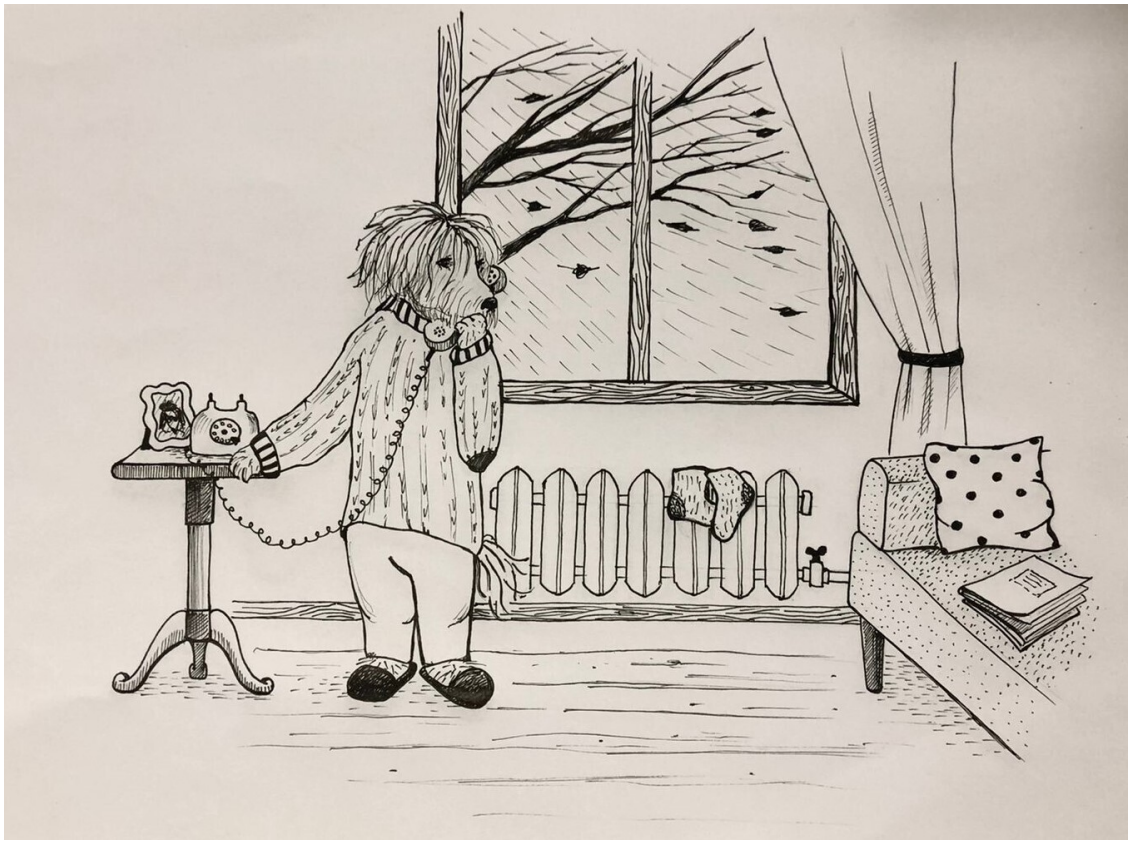
Хорошая память, обстоятельность и экономность – вот три кита, на которых стоял мир Андерсона последние 100 лет по меньшей мере. Барбо́не и сам не любил выбрасывать продукты, но этот салат… Надо все же пойти в магазин.

Барбо́не надел теплый свитер, дутые непромокаемые штаны, большие боты для трекинга на шнуровке, желтый клеенчатый плащ с капюшоном. Весь закутанный и застегнутый он походил на тщательно упакованный сверток. Из низкого домика капюшона торчал один нос – чтобы увидеть себя в зеркале Барбо́не пришлось высоко задрать голову.

– Андерсен, на кого я похож? Я похож на беженцев, спасенных в море береговой охраной? Или на космонавта перед выходом в открытый космос?

– Ты похож на Пуделька, который идет в грозу за продуктами. – Андерсен не любил неточности и преувеличения, – И зайди по дороге в библиотеку, у меня кончились все книги. Возьми мне что-нибудь интересное. Типа “Писем к Луциллию”. Только проверь, чтобы все страницы были на месте. И не замочи книгу, а то там дождь на улице… И смотри, маленький Пуделек, чтобы тебя не унесло ветром. А то мне будет тебя очень не хватать.

Барбо́не проверил в карманах деньги, сумку, ключ, прислушался к неистовым завываниям ветра снаружи, мысленно собрался с силами и взялся за ручку двери, чтобы шагнуть в бушующую неизвестность.

Глава 2, в которой появляется Шмортик и Барбо́не мчится сквозь дождь быстрее скорости ночи

– Милейшая владычица читального зала! Когда последний раз вам говорили, что вы красавица, умница и просто дама, приятная во всех отношениях? – Мыш Шмортик, умильно улыбаясь, склонил голову набок.

Овца покраснела и что-то нечленораздельно залепетала.

– Так вот подумайте об этом на досуге! – строго продолжил Шмортик, затем пыхнул трубкой, поправил маленький красный беретик, – А пока, я все же попрошу вас найти мне «Основы аэронавтики для мышей» или я потеряю веру в человечество, а это страшно.

Овца, булькая что-то обиженное, поплелась вглубь зала за стеллажи, Барбо́не опустил глаза вниз, посмотрел на свои лапы в ботах для трекинга на шнуровке и подумал: “Я – Пудель Барбо́не , у меня большие лапы… А все-таки нехорошо он с нею так…”

Шмортик раздраженно барабанил пальцами по стойке выдачи книг, потом повернулся к Барбо́не .

– Вы меня осуждаете? Я вижу, что осуждаете. Но как можно быть такой глупой овцой!? Вот вы, очевидно, очень правильная собака. Вот вы бы справились с этой задачей, если бы я вас попросил?

Барбо́не ненадолго задумался.

– Я бы справился.

Шмортик решительно протянул ему свою лапу в черной автомобильной перчатке-митенке:

– Шмортик, изобретательный мыш, очень приятно!

– Барбо́не Громмер, среднестатистическая правильная собака, очень приятно…

– Хм.. А как вас обычно называют дома?

– Дома? Дома меня обычно называют просто Барбо́не . Или еще Пуделек.

– Отлично! Я тоже буду вас так называть, Пуделек Барбо́не , – Шмортик перевесился через библиотечную конторку и с нетерпением заглянул в недра книгохранилища, – Где она? Сколько можно ждать?

“Она же ушла всего пару минут назад,” – подумал Барбо́не , “Какой нетерпеливый этот изобретательный мыш. И какой… необычный.”

Необычный? Мягко сказано. Если бы Шмортику вдруг, по какой-то причине, нужно было затеряться в толпе, он бы просто не сумел этого сделать. И дело не в том, что был он высок и очень худ. И не потому, что одет он был… Элегантно? Ярко? Неожиданно? – все стразу и более того. Например, сегодня на нем был черный кожаный костюм мотогонщика, а на голове – маленький красный беретик. И даже не потому, что он почти постоянно курил маленькую трубку – да-да, даже в тех местах, где висела табличка “Не курить!” Просто с первого взгляда на Шмортика любой сразу чувствовал, что дальше будет о чем рассказать домашним за ужином. Шмортик притягивал внимание. О да, Шмортик был именно такой.

Вот и Барбо́не тоже делал вид, что внимательно изучает висящие на стене правила поведения в читальном зале, а сам краем глаза, исподтишка, рассматривал Шмортика. Шмортик резко повернулся и снова обратился к Пудельку:

– Понимаете, я ученый, а не какая-то там овца или очень правильная собака. Я не могу и не должен тратить время на походы в библиотеку и small talk с вами, любезный Пуделек. Я должен “твори, выдумывай, пробуй” – вот это вот все! Меня дома ждет мой кабинет, опыты

на мышах, великие открытия и бессмертие в памяти поколений. На худой конец хорошо темперированный клавир. Вы же понимаете меня?

Барбóне совсем не понимал про клавир, но решил не подавать виду.

– А что же я? Вместо этого я полгода разыскиваю одну редкую книгу, без которой просто не могу продолжить мою работу. Я пишу туда, пишу сюда, хожу здесь, ищу там – и о счастье! – последний сохранившийся экземпляр обнаруживается в библиотеке при музее Тихо Браге в Копенгагене. И что удивительно, я сотни раз ходил мимо того дома, когда был студентом там в королевской академии в Копенгагене, но ни разу не был внутри. Удивительно! Вы бывали в Копенгагене?

Барбóне не бывал.

– И вот я нашел ее! Я рад, я счастлив, я ликую! Я делаю заказ через межбиблиотечный обмен. Я оплачиваю самую скорую из всех возможных доставок. Срок доставки – через месяц. Через месяц!!! Я каждый день звоню им в Копенгаген – пока они не отключают телефон у себя там в музее. Я звоню на почту, в библиотеку, экспедитору, министру связи – я звоню везде! Все впустую: ждите, ждите, ждите… Я жду! Проходит месяц. Сегодня тот счастливый день, указанный в извещении, когда я могу забрать мою книгу, здесь, в библиотеке, у этой мокрой курицы – безмозглой овцы. Где она?

Шмортик снова лег животом на библиотечную стойку и посмотрел вглубь галереи из книжных шкафов. Овцы он не увидел, зато заметил розовую коробочку для завтрака, лежащую на столе библиотекаря с внутренней стороны стойки. Шмортик перевесился еще больше, проворно лег на стойку так, что все его длинное тело оказалось параллельно полу, а ноги и хвост повисли в воздухе. Он ловко дотянулся до коробочки внизу на столе, открыл ее, вынул из нее сэндвич – очевидно, будущий обед овцы – внимательно его рассмотрел, и откусил небольшой кусок. Задумчиво прожевал, откусил еще один кусок, побольше. Затем оставшуюся часть сендвича сложил назад в коробочку, закрыл ее, положил на стол и вернулся в исходное положение стоя, рядом с Борбоне:

– Не хватает горчицы… – Шмортик облизнулся и продолжил – И вот: сегодня с утра я выглядываю в окно – там ураган, потоп, египетские казни и конец света. Вы же видите, что творится на улице?

Барбóне видел.

– Но я мчу сюда. У меня отличное настроение. Я подхожу к стойке, я протягиваю извещение. И что же? “Ваш заказ пока не поступил в хранилище или еще не был обработан…” Вы слышали большую нелепость, мой дорогой немного заторможенный друг?

Шмортик пыхнул трубкой, и отправил большое облако ароматного дыма в сторону Барбóне .

В этот момент из-за полок послышалось цоканье копыт и появилась овца с обиженным выражением на круглом, и правда не очень умном лице. Она остановилась в метре от стола, как бы не решаясь приблизиться.

Шмортик подождал несколько секунд, внимательно глядя на овцу, затем проговорил нараспев:

Стань у окна, убей луну соседством;

Она и так от зависти больна,

Что ты её затмила белизною.

Быстрейшая, ну так что же, вы, наконец, нашли мою книгу?

Овца молча покачала головой, не двигаясь с места.

Шмортик смотрел на нее с неприязнью.

– Хорошо же! Но имейте в виду, я буду жаловаться. Это безобразие! Это не лезет ни в какие ворота. Ни в какие! – Шмортик резко развернулся к Барбóне , – Идемте отсюда, Пуделек! Нам больше нечего здесь делать. К счастью, в этом мире, полном беспорядка и глупости, –

Шмортик бросил выразительный взгляд на овцу – еще остались места, где царит гармония. Туда мы с вами и направимся.

Шмортик зашагал вон из библиотеки. Барбо́не пошел следом. Он совершенно забыл о том, что пришел за книгой для Андерсена и что книгу эту он так и не взял. Он не думал о том, что Шмортика он вообще-то видит первый раз в жизни и совсем не знает, куда тот теперь направляется. Просто Барбо́не имел такой характер, что если ему говорили “Пошли, Пуделек!”, то он обязательно шел. И еще ему было очень интересно, что это за места в этом мире, где царит гармония. Он любил все новое и интересное.

– Так кем вы работаете, мой друг? – слегка рассеянно спросил Шмортик, обращаясь к Барбо́не .

– Я? Я – кулинар.

– Хм… Работники ножа и топора…

– Как? Нет, я работаю в кондитерской – у нас там нет топора…

– В кондитерской. Логично. Знаете, что я хочу спросить?

Шмортик попыхивал трубкой и о чем-то думал. Барбо́не ждал продолжения, но его не последовало. Потому что в этот момент они как раз миновали холл и Шмортик открыл большую наружную дверь библиотеки.

– Вуууууууууу – дико завыл бешеный ветер, пытаясь ворваться с улицы в библиотеку через приоткрытую Шмортиком дверь.

– Аааааааааа – закричал Шмортик, которого бешеный ветер зажал массивной входной дверью в дверном проеме.

– Ой-ой – отозвался Барбо́не , которому в лоб прилетела трубка Шмортика, вырванная бешеным ветром, который зажал Шмортика.

– Закрывайте же дверь, страшный сквозняк! – проблеяла овца откуда-то сзади.

Барбо́не поймал на лету трубку Шмортика, приветливо-ободряюще помахал овце (спокойствие, сейчас все сделаем), уперся плечом в тяжелую дверь – раз-два-вместе! – и вот Шмортик свободен, оба они стоят снаружи, дверь за ними с грохотом закрылась.

Дождь прекратился, но черные низкие облака теснились и клубились совсем низко над крышами. Ветер играл на мостовой с опрокинутой мусорной урной.

– Ну и погода! Вот, у вас улетело – Барбо́не протянул Шмортику его трубку.

– О, благодарю вас! – Шмортик с интересом посмотрел на Барбо́не . Ветер уносил слова, приходилось кричать – Однако же вы сильный и находчивый Пуделек! На удивление проворный и очень вспомогательный Пуделек!

Шмортик пошел вперед вдоль дома против ветра, придерживая на голове беретик и не выпуская трубку изо рта. Барбо́не шел следом. Он был смущен этой неожиданной похвалой. И на самом деле ему было очень приятно. Он совсем не привык, чтобы его хвалили. Так повелось, что мама и Андерсен чаще воспитывали его, чем хвалили. Потому что они знали, что Барбо́не может лучше. Папа вообще редко говорил с ним о чем бы то ни было. Еще у Барбо́не была школьная подружка Красная Шапка, но она тоже не очень-то умела говорить приятные ободряющие вещи. А больше Барбо́не почти ни с кем и не общался.

Шмортик резко остановился перед какой-то большой вытянутой коробкой, закрытой мокрым брезентом. Коробка стояла прямо посередине тротуара и преграждала им путь.

– Моя машина не самая большая, но я уверен, вы оцените ее по достоинству. Автор проекта – я. Генеральный конструктор – тоже я. Первый пилот – снова я. Процесс испытаний не завершен, но… Вы будете первым пассажиром.

Шмортик эффектно, рывком сдернул с коробки брезентовый чехол – и… ураганный ветер тут же вырвал его у него из рук и унес куда-то в небо раньше, чем пилот и первый пассажир успели опомниться.

– Не беда, у меня еще есть дома много – прокричал Шмортик, перекрывая ветер, – Красавица, правда?

Перед ними стояла небольшая красная машинка-кабриолет на трех колесах – два колеса сзади и одно спереди. По размеру она была не многим больше аттракционного автомобильчика из лунапарка. Машина была невысокой и зрительно казалась еще ниже из-за отсутствия крыши. Большой руль занимал почти половину маленького салона – одно место для водителя спереди, и одно место для пассажира сзади. Острый нос и горбатый багажник делали машину похожей на маленькую торпеду. Шмортик открыл багажник и достал оттуда два ярко-желтых мотоциклетных шлема. Один из них он протянул Барбо́не :

– Надевайте это, Пуделек, забирайтесь назад и пристегивайтесь. При испытаниях автомобиля безопасность – самое первое дело. Сейчас нам будет весело.

Шмортик выглядел очень уверенно в своем черном кожаном костюме, поэтому Барбо́не сделал все, как ему сказали. А еще потому, что он еще никогда не ездил в машине без верха, и тем более в машине на трех колесах, и совсем никогда не участвовал в испытаниях. Шмортик одним движением надел свой шлем и занял водительское место:

– Первый готов. Второй?

Шмортик обернулся.

– Не слышу ответа. Второй готов?

– Готов… – растерянно промямлил Барбо́не .

– Проверка рабочих систем. Старт машины.

Шмортик что-то сделал на панели перед собой и где-то внизу под Барбо́не пол начал гудеть и подрагивать.

– Музыка! Поехали!

Машина резко тронулась с места, скачком слетела с тротуара на проезжую часть – Барбо́не чуть не вывалился на дорогу, но чудом успел ухватиться за водительское сиденье спереди. Удар дна машины о мостовую совпал с оглушительным раскатом грома, а в то место на тротуаре, где только что стоял их автомобильчик, ударила молния. Шмортик обернулся:

– Хм… Нужно сократить разность потенциалов при зажигании. Если б мамуся не была такой быстрой, это б стоило нам жизни.

От грома у Барбо́не заложило уши и он подумал, что ослышался:

– Какая мамуся?

– Мамуся, моя красавица! Я назвал мою машину Мамусей, в честь мамочки. Она такая же маленькая, быстрая и непредсказуемая, как цирковая акробатка. А что у нас с музыкой? Не слышу звуков…

Снова начинался дождь, крупные редкие капли начали постукивать по металлическому корпусу Мамуси. Шмортик ткнул куда-то на панели и вдруг со всех сторон, перекрывая гул мотора и шум непогоды, на Барбо́не упал проигрыш песни. Тататадам-татататадам, татататадам-татататадам – играл кто-то на клавишных прямо в голове у Пуделя. Тататадам-татататадам, татататадам-татататадам – как быстрый бег по лестницам вверх-вниз, наперегонки с усиливающимся дождем. Брамс-брамс! Вступили ударные. Бам-барам-бам! Отзывались сверху громом грозовые тучи.

– I don't want to let another minute get by[2] – запел Шмортик вместе с певицей. Мамуся неслась вперед на безумной скорости, обдавая редких прохожих высокой волной из разливанных луж. – Это стерео-установка последнего поколения – моя новейшая разработка. Звук сразу передается на корпус автомобиля, разные материалы резонируют на разных волнах. Создается эффект полного погружения в музыку, да? Думаю назвать мою систему ShmortikAll SoundAround. Или просто SARA, по первым буквам. Sara! Занятно – ведь так звали мою

[2] Я не могу ждать ни минуты больше (англ.)

первую учительницу музыки. Как больно она била меня линейкой по голове, когда я не попадал в ноты. Если б не она, я мог бы стать великим композитором. Ах детство, счастливая пора…

Одной рукой Шмортик придерживал руль, а другой что-то пытался нашарить под своим креслом. Скрючившись на один бок, он совсем перестал смотреть на дорогу. Мамуся еще больше прибавила скорость. Барбо́не увидел впереди на перекрестке большой городской автобус. Перекресток приближался с бешеной скоростью, автобус медленно разворачивался прямо перед ними. Барбо́не закрыл глаза и вжался в сидение. Бам-барам-бам! – прогрохотал гром. Брамс-брамс! – отозвались ударные в песне. Тататадам-тататадам, тататадам-тататадам – стучало сердце Барбо́не , опережая ритм клавишных.

– We got the music in our bodies and the radio[3], – продолжал петь Шмортик дуэтом с певицей. Барбо́не открыл глаза. Перекресток с ошарашенным автобусом остался далеко позади. Машина теперь неслась через какие-то пустынные поля с редкими сельскими домиками. Наконец, Шмортик нашел то, что искал под сидением, сел ровно и протянул назад Барбо́не большой морской компас.

– Пуделек, вы будете нашим штурманом. Корректируйте траекторию строго на зюйд-зюйд-вест. Если все пойдет по плану, то мы уже к утру будем на месте.

Барбо́не забеспокоился:

– Как к утру на месте? Мне к утру надо быть на работе… И еще нужно накормить Андерсона…

Шмортик бросил руль и развернулся к Барбо́не всем телом:

– Нет! Какая работа? Кто такой Андерсен? Мы же собирались веселиться!

Предоставленная сама себе Мамуся приняла вправо и сейчас на полной скорости неслась по обочине, обгоняя большие фуры.

– Ой, осторожнее! Андерсен – это моя черепаха. Я работаю в кондитерской, я говорил. С утра мы печем. Свежая выпечка, круассаны, багеты… Может быть, через неделю? У меня будут длинные выходные.

Шмортик отвернулся и сказал что-то длинное и неразборчивое на каком-то иностранном языке, неизвестном Барбо́не. Машина сделала резкий поворот прямо посередине дороги и понеслась назад на той же сумасшедшей скорости.

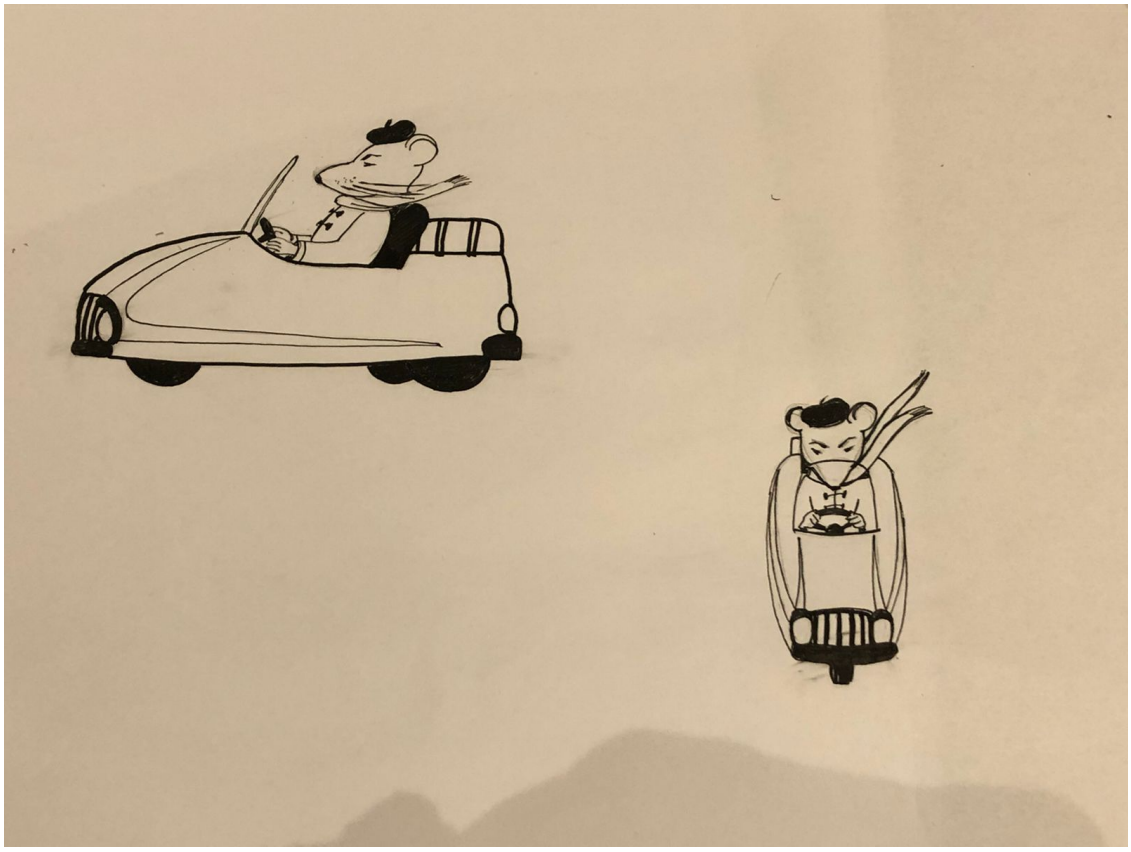
– Тогда просто выпьем кофе. Я угощаю, – Шмортик снова повернулся к Барбо́не и засмеялся, широко раскрыв рот навстречу летящим с неба дождевым каплям. – А вы смелый авантюрный песик, мой дорогой Пудель Барбо́не!

– Faster than the speed of night,
Faster than the speed of night,
It's all we ever wanted and all we'll ever need
And now it's slipping through our fingers
Faster than the speed of night [4]

Пела певица вместе с Шмортиком, и Барбо́не тоже пел про себя вместе с ними, летя через грозу быстрее скорости ночи.

[3] Музыка звучит в наших телах и по радио (англ.)

[4] Быстрее скорости ночи \ Быстрее скорости ночи \ Это то, чего мы всегда хотели, и все, что нам нужно \ И теперь это ускользает сквозь пальцы быстрее скорости ночи (англ)

Глава 3, в которой Барбо́не попадает на заброшенную фабрику и знакомится с ее обитателями

Машинка ворвалась в город, пронеслась тем же путем назад до библиотеки, проехала через какие-то незнакомые Барбо́не улочки и переулки в той части города, где он почти не бывал, и резко затормозила перед большим мрачным зданием из красного кирпича, похожим на старую неработающую фабрику. Огромные окна были закрыты ставнями, краска на которых давно не обновлялась. Ворота, казалось, были навсегда заперты много лет назад. Стены здесь и там были покрыты странными граффити и какими-то невнятными надписями, типа 'Kolis never die[5]', 'Пупс воняет', 'Приготовься он грядет', 'LULLUCS!!!' На небольшой площади перед зданием, где в лучшие времена, очевидно, кипела жизнь, куда когда-то подъезжали машины и приходили сотрудники и посетители, теперь все заросло травой и было завалено старым ломом и мусором. Неаккуратный забор, окружавший территорию фабрики, местами обвалился – эти дырки были заделаны кусками фанеры, но кое-где и фанера начала отпадать.

'Где же мы будем пить кофе? Совсем непохоже, что это одно из тех мест, где царит гармония?' – подумал Барбо́не , оглядываясь вокруг.

Шмортик как будто прочитал его мысли, он обернулся назад и поднял палец вверх как проповедник, несущий миру истину:

– Как говорил мой учитель, действительность – это иллюзия, хотя и очень стойкая. Но вовсе не нужно быть старой бабушкой, чтобы печь вкусные пирожки. Вам ли этого не знать, дорогой Пуделек?

Барбо́не не понял про бабушку и пирожки, но Шмортик уже отвернулся и прокричал в сторону закрытых ворот:

– Тук-тук, кто в теремочке живет?

В тот же момент ворота сами собой со скрипом и скрежетом открылись и Мамуся заехала внутрь. Ворота за ними с тем же шумом медленно закрылись.

– Вот мы и на месте! – Шмортик бодро выпрыгнул из машинки и снял шлем, – Немногим выпала такая честь – побывать здесь, где все происходит. Практически никому. В-общем, скажем прямо, Пуделек, пока вы первый. Идемте, я покажу вам покои и службы.

Барбо́не выбрался наружу и огляделся. Просторное помещение, где они находились, было чем-то средним между гаражом, фабричным складом и мастерской. Хотя со стороны улицы окна были наглухо закрыты ставнями, с противоположной стороны через высокие проемы, застекленные от пола до потолка, в помещение попадал дневной свет. Вдоль стен стояли какие-то станки и верстаки, столы и шкафы. В углу были составлены штабелями одинаковые ящики, поверх них лежали какие-то свертки и баулы. С высокого потолка – метров шесть, не меньше – кое-где свисали цепи и канаты. На полу чугунной крышкой выделялся большой люк. В стене слева были 3 двери разных размеров, а справа одна небольшая дверка и лесенка наверх на антресоль – открытый второй этаж, занимавший примерно треть пространства под потолком.

– Это гараж. Здесь, как вы видите, живет Мамуся. – Шмортик ласково погладил машинку по багажнику, куда он спрятал мотоциклетные шлемы. – Как вам поездка? Надеюсь, вам было комфортно?

– Да, только немножко чересчур очень быстро… – Барбо́не слегка поежился при воспоминании о поездке.

[5] Коли никода не умирают (англ.)

– Разве? Хм, что же вы скажете, когда я закончу Лунамету-2 и приглашу вас на первые испытания? Впрочем, в свое время я изобрел хорошие таблетки от вертиго. Но их категорически нельзя принимать в случае delirium tremens. Полагаю, это не ваш случай, мой друг?

Барбóне не знал, его ли это случай. Ему вообще казалось, что он попал в какое-то кино на иностранном языке, сразу на середину фильма. Было интересно, но непонятно. Шмортик, увидев растерянность на лице Барбóне , рассмеялся:

– В смысле, в другой раз дам таблетку, вам можно, вы же очень правильная собака, – затем он зажег свою трубку и сделал рукой широкий жест вокруг – Здесь в гараже я также занимаюсь разным физическим трудом – сварка, столярка, сборка, покраска, раззудись плечо, размахнись рука. К счастью, вокруг никто не живет, так что работать можно круглосуточно. Если ты вдруг среди ночи неудачно проверишь предохранительный клапан и потом исполнишь “Оду к радости” с особым чувством, то разъяренный сосед в ночном колпаке к тебе не прибежит. Идемте, Пуделек! Уже очень хочется есть.

Шмортик начал решительно взбираться по лесенке, ведущей на антресоль.

– Вон там, – он махнул в сторону дверей по левой стене – всякие каморки и склады, но я туда обычно не хожу. Иногда я думаю, что если как следует там порыскать, то найдется и новый кукольный театр имени папы Карло, и остатки утраченного времени. Но что-то все руки не доходят. А здесь у нас тренировочный центр…

Они стояли на антресольном этаже, откуда открывался вид на все беспорядочно заставленное нижнее пространство гаража. Тут наверху света было намного меньше и Барбóне не сразу понял, что это вокруг него происходит. Антресоль была забита какими-то коробами и установками с экранами и датчиками, соединенными разноцветными проводами и трубками. Вся эта машинерия сама собой работала, мигала, крутилась, негромко постукивала, пыхтела и жужжала. Теперь, когда глаза привыкли к полутьме, Барбóне увидел, что за стеклянными перегородками в разных помещеньицах размером с обувную коробку кипела тайная жизнь. Десятки белых лабораторных мышей делали какие-то явно осмысленные действия, участвовали в хорошо организованных работах. Кто-то из мышей тыкал лапой в небольшие пультики и следил за бегущими цифрами на экране. Другие осторожно перекатывали из одного конца стеклянного лабиринта в другой маленькие белые шары, похожие на перепелиные яйца. В одном из отсеков три мыши быстро забегали по лесенке на верхнюю площадку прозрачной горки, усаживались паровозиком и сразу же быстро спускались вниз по спиральному желобу – при этом мыши отчаянно кричали на поворотах, но толстые стекла стенок поглощали звук. В другом блоке несколько мышат сидели в шлемах пристегнутые внутри маленьких тренировочных качелей – их кресла двигались наподобие центрифуги, то раскручивались, то замедлялись – мышата выглядели неважно и смотрели вокруг себя осоловелым взглядом.

– Эй, 2-12-85-06! Старший по смене! – Шмортик говорил в трубку большого красного телефона с надписью “Диспетчерская”, висевшего на столбе по центру антресоли. – У вас гравитационная команда скоро улетит совсем. Вы там следите за физиологией?

Раздался негромкий звонок. Мыши с горки, скатились последний раз и так же, как были, паровозиком потрусили по коридорчику в сторону душевой. Мышата в шлемах после тренажера-центрифуги, как пьяные матросы, стоя на задних лапах в обнимку, раскачивались в разные стороны – к ним подкатила мышь с тележкой, они всей компанией повалились в кузовок и тут же заснули, мышь-транспортер куда-то повезла их. Шмортик повесил трубку, повернулся в сторону Барбóне и озабоченно добавил:

– Немецкие лабораторные мыши – прекрасные сотрудники. Четкие, исполнительные. Поставка день в день. Но, очень уж ориентированы на результат. Их совсем не занимает процесс. Они не умеют получать удовольствие от работы. Только награду за достижение цели в срок… Но где нет радости – там нет и будущего. Gaudeamus igitur! Вы не находите?

Барбóне эта мысль показалась слишком сложной, чтобы ее сейчас же и промыслить, потому что его гораздо больше интересовало, что здесь собственно происходит. Он больше не мог сдерживаться:

– А что они делают, эти мыши? Они ваши? Это все здесь ваше? И там внизу за дверями, где кукольный театр, тоже все ваше? Вы тут живете? А где вы спите? И зачем это все тут?

Шмортик посмотрел на Барбóне очень серьезно:

– Пуделек! Вы умеете хранить тайны? И даже если на вас нападут враги и будут вас пытать – вы не сдадитесь?

Барбóне ненадолго задумался. Он не знал.

– Я не знаю… А будут сильно пытать? И кто эти враги?

– Дельные вопросы. Сразу видно, что вы просто так не бросаете обещаний на ветер, мой друг. Ладно, идемте, я вам все расскажу.

Шмортик снова снял трубку:

– На сегодня отбой. Завтра подъем в 4:30. Ночная команда, проверьте у Мамуси зажигание, а то меня сегодня чуть не убило при старте. И нужно смазать ворота.

Шмортик повесил трубку и показал Барбóне на небольшую дверь в самом углу – там было так темно, что ее не сразу и заметишь, если не знать, что она там есть.

– Вот тут я живу, – Шмортик распахнул дверь и сделал приглашающий жест рукой. – На самом деле, здесь все мое и не мое одновременно.

За дверью начинался лабиринт помещений, разобраться в котором с первого раза было абсолютно невозможно. Шмортик дымил своей трубочкой и уверенно шел вперед – поднимался по лесенкам, открывал двери, поворачивал в узкие проходы и выходил в просторные коридоры – а Барбóне едва успевал за ним, с любопытством оглядываясь по сторонам.

– Дело в том, что фабрика эта много лет производила что-то очень скучное и ненужное, типа дегтярного мыла, и в конце концов разорилась. Старый хозяин умер, его сын уехал в Австралию. С тех пор фабрика продается, но ее никто не покупает. Я, когда только вернулся в город, искал какое-нибудь удаленное помещение для воплощения разных моих экспериментальных задумок. Чтобы, если сильно рванет, то чтобы никто не пострадал. А то знаете, потом ходить в больницу, покупать цветы, волнения, похороны, суд, компенсация, de profundis – одним словом, страшная морока. Ну вот, так я и нашел это место. Австралийский сын написал, что я могу использовать гараж в свое удовольствие – то помещение, где мы оставили Марусю – если залатаю крышу и буду вовремя платить за воду и электричество. Пара визитов в разные инстанции, несколько подписей, синяя печать – и я арендовал гаражик на год. А потом оказалось, что все остальное тоже пустует и никому не нужно. Так постепенно я перевез сюда все вещи и переехал сам, расположился со всем возможным комфортом. Хотя по бумагам я арендую только гараж. Очень удобно!

– А те очень организованные мыши на тренажерах?

– А вот это как раз и есть та самая тайна, в которую я собираюсь вас посвятить за ужином. Вы хотите есть?

Шмортик открыл очередную дверь и ввел Барбóне в просторную залу, так плотно и так разнообразно заставленную самыми неожиданными вещами, что невозможно было остановить взгляд на чем-то одном – хотелось разглядывать и трогать все подряд и все сразу, как бывает в хорошем магазине игрушек.

Прямо посередине располагалась большая лаборатория – штативы, колбы, пробирки, перегонные кубы, простые горелки и какие-то сложные аппараты… Тут же рядом что-то зеленое и широколистное росло в объемных ящиках на стеллаже под ярким искусственным освещением. Еще чуть дальше перед большим окном была выстроена прозрачная сине-зеленая стена с несколькими аквариумами – всяческие рыбки разного цвета, размера и вида неспешно плавали по кругу как на прогулке.

– Ну вот, вы в святая святых, мой друг! Здесь у меня лаборатория. Когда я еще занимался фармацией и медициной, то работал здесь днем и ночью. Но после одного неудачного опыта с пересадкой мозга у человека… я решил переключиться на астрогеологию.

– Ой, ваш больной умер?

– Умер? Не сразу. Но дело не в этом. Просто мне… надоело. Личностный кризис. Ну, если я уже могу пересаживать мозг, то… дальше что? Победа над смертью? Чтобы все эти большие и малые дураки, что нас окружают, жили вечно? Нет, лучше звезды и минералы!

Шмортик серьезно потряс головой, затем сделал широкий жест в сторону:

– Тут у меня всякая нужная литература, а также свободные искусства…

Слева от лаборатории угол зала с низу до верху был занят книжными стеллажами и шкафами – ‘Как будто мы снова оказались в библиотеке,’ – подумал Барбо́не . Только здесь, в отличие от городской библиотеки, царил страшный беспорядок – книги располагались на полках неровными рядами и лежали стопками на боку, некоторые были открыты и топорщились страницами вверх, другие перевернуты обложкой вверх страницами вниз, третьи заложены посередине другими книгами. Книги лежали на полу и на стульях, стояли рядочком прислоненные к стене… Складывалось впечатление, что книги здесь живут своей жизнью и каждая делает все, что ей вздумается и иногда подбивает товарок следовать за собой. Здесь же, среди шкафов и стеллажей стоял маленький рояль с открытой крышкой. На круглом стульчике и на полу лежали нотные листы, несколько книг забрались и на рояль и под рояль тоже. На инструменте среди нот и книг также стоял большой бюст Бетховена, на голову композитора был надет старый летный шлем.

Поближе к окну на невысоком подиуме стоял огромный письменный стол, такой большой, что на нем при желании можно было бы играть в пинг-понг, если б он весь не был завален бумагами и заставлен бог знает чем. Тут была и пара настольных ламп, и огромный канделябр для множества свечей, и старинный письменный прибор с чернильницей и пресс-папье, и чей-то небольшой бронзовый бюстик и колокольчик, каким обычно короли вызывают слуг. И множество чайных чашек и стаканов, и вазочка с конфетами, и тарелка с недоеденным завтраком, и целое яблоко. И снова книги, бумаги, газеты, журналы и чертежи.

Рядом со столом стоял большой телескоп, широкий его конец с толстой выпуклой линзой смотрел в окно. Вся стена над столом была завешана вперемешку географическими и звездными картами, дипломами и сертификатами, фотографиями и вырезками из газет. Поверху всего этого пестрого разнообразия шла ровная трафаретная надпись, очевидно, оставшаяся здесь от предыдущих хозяев помещения: “РАБОЧИЙ, ТОВАРИЩА НЕ ПОДВОДИ! ВСЯКУЮ ВЕЩЬ НА МЕСТО КЛАДИ!”

– Идемте, Пуделек, нас ждут великие дела. Сейчас мы будем есть.

Шмортик повернулся спиной к библиотеке и лаборатории и двинулся в ту часть большого зала, где царил полумрак.

– Fiat lux![6] – Шмортик дернул за шнурок, свисавший с потолка, и стена ожила – вернее это массивные шторы поехали в стороны с мягким жужжанием. В этой части, как оказалось, тоже были высокие окна, дающие достаточно света даже в такой пасмурный день, как сегодня.

– Мое ложе, очаг, стол, стул – что еще нужно? Обстановка простая, но я и этому рад. Великие натуры мирятся с бытовыми трудностями, лишь бы им не мешали думать.

Барбо́не огляделся. Шмортик, мягко говоря, преувеличивал свое равнодушие к комфорту. В дальнем углу стояла высокая кровать, заваленная подушками и одеялами, очень пышными и мягкими на вид. Перед кроватью лежал толстый ковер – без сомнения, старинный и дорогой. Тут же, вплотную к изголовью кровати, был сложен массивный камин, напротив него небольшой диванчик, заваленный разными вещами. ‘Наверно, очень уютно лежать в постели,

[6] Да будет свет! (лат.)

и смотреть на пламя' – подумал Барбо́не , – 'Или пить горячий шоколад с плюшками, сидя на диванчике. Если навести на нем порядок…' Барбо́не с детства знал, что есть в кровати нельзя, а вещи нужно сразу вешать на место. Он всегда следовал выученным правилам и никогда не сомневался в их правильности, поэтому у него почти всегда было хорошее настроение.

В этот момент одеяла в кровати зашевелились, в центре постели образовалась небольшая горка, которая начала медленно двигаться в сторону говоривших. Дойдя до края кровати, "горка" остановилась.

– А кто у нас тут такой тайный? – Шмортик, зажав в углу рта потухшую трубку, говорил неестественно высоким голосом, полным радости, – Кто у нас здесь затаился и готовится явить себя граду и миру? Кто тут у нас такой неожиданный?

Шмортик рывком откинул одеяло. В постели обнаружилась худая черная кошка. Она лежала на животе в позе сфинкса и не мигая смотрела прямо перед собой. Шмортик схватил кошку двумя руками и начал энергично трясти перед своим лицом:

– Кто это тут такой красивый? Кто у нас тут такой теплый и мягкий? Кто такой прекрасный?

Вытянутое тело кошки безжизненно болталось во все стороны как тряпичная кукла, она смотрела прямо перед собой на Шмортика усталым взглядом, который как бы говорил: "Ну вот что это опять происходит? Вот зачем это опять, я вас спрашиваю?"

Шмортик перестал трясти флегматичное животное, расположил черное тельце на согнутой в локте руке, как делают с грудными младенцами после кормления, и поднес плечо с головой кошки к лицу Барбо́не :

– Пуделек, знакомьтесь – это Кошка. Кошка, это Пуделек Барбо́не!

– А как ее зовут?

– А вот так и зовут – Кошка! Прекрасное имя, очень ей подходит!

Пуделек протянул руку, чтобы погладить ее, но Кошка вдруг вся напряглась и посмотрела на Пуделька таким злобным взглядом, который говорил "даже не думай об этом!", что Пуделек решил просто помахать ей рукой в знак приветствия.

– Ну не красавица ли? Не умница ли? Что за прелесть! Мы разбудили тебя? Ладно иди отдыхай, моя радость! – и Шмортик положил Кошку назад на постель. Кошка снова заняла позу сфинкса и очевидно потеряла всякий интерес и к хозяину, и к гостю.

Шмортик с нежностью погладил ее по голове и резко повернулся к Барбо́не :

– Мила до невозможности. Ну а мы, собственно, на месте!

Глава 4, в которой Шмортик раскрывает большую тайну, а Барбо́не готовит ужин

Огромный гардероб, где Шмортик, очевидно, хранил свою одежду, отгораживал спальную зону от кухни, и кухня эта сразу произвела на Барбо́не впечатление. Большая старинная газовая плита на шесть конфорок разного размера, массивный старый холодильник, как атомный ледокол в порту приписки, разные деревянные шкафчики, тумбы и сервант для посуды – Барбо́не видел такую старообразную обстановку только в Скансене, в музее народного быта. Все здесь было сделано основательно, на века, чтобы служить своему хозяину много лет и потом перейти к его детям и внукам.

Посредине стоял большой дубовый стол, изрезанный и поцарапанный многими ножами на протяжении своей долгой службы, вокруг стола 5 разномастных стульев – ни одного парного. Под столом лежала тыква такого размера, что любая Золушка была бы рада получить ее себе в качестве кареты.

И стол, и все поверхности тумб, шкафчиков и полок, и даже пара стульев были заняты какими-то приспособлениями и аппаратиками, кастрюльками, котлами, мельницами для кофе и специй, бутылками, банками подписанными и нет, пакетами и кульками, черпаками, ситами, вазами и вазочками, блюдами с фруктами, корзинками с овощами и орехами, вязанками трав. Все то же и многое другое висело на крючках и гвоздиках под потолком на стенах. По всей видимости, Шмортик любил делать запасы, но не очень умел наводить порядок. “Как здесь интересно”, – подумал Барбо́не , – “только очень беспорядочно, как будто только переехали и еще не успели все расставить по местам. Если бы у меня был такой беспорядок, я бы никогда не смог приготовить даже самый простенький крем-брюле, не говоря о чем-то более значительном. Интересно, как он тут ориентируется?’ Ответ Барбо́не получил очень скоро.

– Пуделек! Вы же кулинар, и я уверен, хороший? Тогда план действий у нас такой: я показываю, что где лежит, и рассказываю вам большую тайну, а вы тем временем готовите нам ужин. Так каждый сделает половину работы и мы интересно и с пользой проведем время. Вот, например, тыква – я совершенно не знаю, с какого бока к ней подступиться. Удивите нас, только чем-нибудь очень быстрым, а то я умираю от голода.

Барбо́не стало очень радостно, что Шмортик так сказал про него и доверяет ему. Он ненадолго задумался.

– Тогда мне понадобится: котелок на 3 литра, килограмм яблок, крупа кукурузная или пшеничная. Но лучше кукурузная. Что еще? Еще нужно масло, сливки, яйца, молоко… мука, вода, вино белое… шафран, изюм и сухофрукты, куркума, корица, гвоздика, ваниль, кардамон, имбирь, соль, мед, цукаты, сода, уксус, коричневый сахар. Пара сковородок и большая деревянная ложка. И еще капелька рома. Это есть?

Шмортик моментально пронесся по кухне, открыл пару ящиков и достал несколько банок и пакетов – оппля – удивительным образом, все названное у Шмортика было, и вот оно уже ждет на столе. Совершенно непонятно как, но Шмортик прекрасно ориентировался в том кажущемся хаосе, что представляла собой его кухне. Барбо́не осмотрел строй банок и баночек, восхищенно посмотрел на Шмортика и полез под стол за тыквой. Шмортик тем временем, пыхнул трубкой и начал:

– Любезный Пуделек! Вы, конечно, знаете, что вот уже сто лет разные люди делают в Земле то там, то тут дырочки и докапываются до нефти и газа. Потом, перепачканные с ног до головы в черном и вонючем, эти люди кладут длиииииииные трубы на поверхности земли или закапывают их вглубь – кому как нравится – и запускают туда это черное и горючее, и оно

там течет сотни и тысячи километров, пока не попадает к нам в город, или в другие города, больше и меньше нашего. По пути из этой длинной трубы то там, то здесь что-то вытекает и убегает, загорается, разливается. И вот, вчера еще там был лес, грибы, цветы, бабочки, уточки и белочки, а сегодня – голое место, залитое нефтью. И посередине черного нефтяного озера умирает уточка, сидя на трупе белочки. Где стол был яств – там гроб стоит – И бледна смерть на всех глядит. Зачем же они все это делают? А все для того, чтобы вы, мой смелый бойкий кулинар, имели пылающий очаг, горячую воду в кране и свет над головой в любое время дня и ночи.

Барбо́не молча орудовал у плиты, как одинокий ниндзя в стане врагов: большим ножом он крошил оранжевую мякоть тыквы, параллельно он мыл в раковине яблоки и что-то помешивал в большой плошке. На плите в котле и паре сковородок что-то булькало и шкворчало. Барбо́не открывал баночки и жестянки, что-то подбрасывал, тряс и нюхал, добавлял или отставлял в сторону – казалось, что у него не 4 лапы, а 12, и каждая лапа сама знает, что ей надо сейчас делать. По кухне волнами шел теплый аромат близкого ужина.

– Как было раньше? – продолжал Шмортик – Наши прадедушки сто лет назад затемно вставали, чтобы все успеть. Зажигали сальную свечу, молча одевались в остывшей за ночь комнате, надевали теплую шубу, брали топор, шли в лес. Рубили дерево, волокли его домой, пилили на части, засовывали в печь поленья, ставили котелок, варили себе кашу на завтрак. Дом постепенно нагревался, каша готова – прошу за стол! Но пока мы возились на дворе уже опять ночь, пора ложиться спать. А как же читать? Как же встречаться с друзьями? Рисовать, лепить, музицировать, петь хором и собирать гербарий? Нет, зажигай снова свою сальную свечу, ступай чистить зубы и спать – завтра снова рано вставать, чтобы успеть сварить себе кашу. Все изменила промышленная революция. Сейчас мы живем совсем иначе – у нас свет в выключателе, тепло в батарее, еда в холодильнике, и почти любое расстояние умещается в бензобаке машины. Раз и готово. Красота. Но есть две проблемы, мой друг. Во-первых, люди, которые обеспечивают нам все это удобство, – все эту необходимую энергию для нашей жизни – имеют наши денежки, но, что много хуже, они имеют над нами власть. А во-вторых, по необъяснимым причинам, люди, имеющие власть, часто оказываются людьми не очень хорошими и их интересы совсем не совпадают с нашими. Они легко могут пережить гибель белочки и уточки, и даже смерть очень правильной собаки и изобретательного мыша, если это даст им еще больше денег и власти. О, они тщательно охраняют свою протекающую тут и там трубу, они делают все, чтобы мы всегда зависели от них, платили больше и думали меньше. Их это устраивает и они хотят, чтобы так продолжалось вечно. Ну или до тех пор, тока они не уничтожат всю нашу планету вместе с нами. Это жадные и глупые люди. Впрочем, большинство людей, которых я знал лично – или жадные, или глупые, или уже умерли.

Шмортик, посасывая свою трубочку, печально покачал головой, но вдруг с воодушевлением запел на мотив Марсельезы:

– Aux armes, citoyens! Formez vos bataillons![7] Мир был бы обречен на скорую гибель, если бы не я. Короче говоря, не так давно я перед сном рассматривал таблицу Менделеева – четвертый ряд меня всегда очень успокаивает, обычно я засыпаю между Ванадием и Галлием. Вы же помните таблицу? И вот тут я глянул в конец и понял, что там что-то не на месте. Я люблю безупречный порядок во всем! – Шмортик сделал широкий жест рукой вокруг себя, указывая на царивший на кухне хаос – А там… Там была некая нарочитая избыточность. Как если бы они положили слишком много красного перца в зеленый чай, а потом еще и добавили пальмового масла. Или, может, наоборот, какая-то недосказанность. Ну типа, ‘Пошел под вечер я гулять, но очень захотелось…’ А дальше сиди и складывай. Я прикидывал и так, и этак – ничего не получалось – вот тут выпирает, а тут недостает. Я очень разволновался. Глубокая ночь –

[7] К оружью, гражданин! Сомкнём наши ряды! (фр.)

сна ни в одном глазу. Чтоб немного отвлечься, я заварил себе чай с мятой и ромашкой и случайно взялся читать какой-то старый номер “Лунного вестника”. Не знаю, откуда он у меня – наверно, случайно украл у кого-то из коллег на работе. Там все больше про старые экспедиции на Луну: анализ лунного грунта, наблюдения за орбитой, гипотезы происхождения планеты. Я совсем тогда не интересовался всем этим, мой друг. И вот, читаю я про то, как формировалась Луна и какая погода там с обратной стороны, которую нам никогда не показывают. Читаю я, читаю… И засыпаю. И дальше мне приснилось все, как оно есть на самом деле. Пуделек, вы знаете химию?

Барбо́не поднял глаза от большого котла, над которым стояло облако ароматного пара:

– Я знаю, что есть кислород и мы им дышим. И йод, его наливают на рану, чтобы не было нагноения. И магний, его прописали маме, когда у нее было дрожание в животе. А другое я подзабыл. Я не очень хорошо запоминаю всякую ненужную информацию.

– Ну да, дрожание в животе – лучше про магний и не скажешь… Не важно. Чаще всего в жизни все происходит именно так: все встает на место, если в самый ответственный момент просто лечь спать. Короче говоря, Пуделек, я понял, что не так с таблицей химических элементов: все дело в ее дурацкой, неправильной форме. Она должна быть круглой! Все ряды нужно разместить по спирали – тогда все сразу обретает смысл. Чем дальше от центра – тем легче, чем ближе – тем тяжелее. А в самом центре должен находиться один супер-элемент – отец и мать всех прочих элементов, первоэлемент, испускающий в космос всех своих 118 детей, от невесомого малюсенького водорода до пугающего неподъемного оганесона. Короче, я открыл 119-й элемент. Не буду вас утомлять деталями, но я рассчитал, что килограмма такого первоэлемента хватило бы, чтобы все человечество жило в сытости, достатке и покое не менее 4 миллионов лет. Вы понимаете?

Барбо́не понимал. Он перестал мешать в котле и потрясенно спросил:

– И где его можно взять, этот первоэлемент?

– На Луне. Это ближайшее к нам место, где его можно достать. Поэтому я назвал его лунитом. Я все рассчитал. Первоэлемент №119 есть, конечно же, и на Земле, но так глубоко и в таком неудобоваримом виде, что не стоит и пытаться. А вот на Луне, где нет атмосферы, где космическим ветром сдуло весь верхний слой и до ядра рукой подать, добраться до лунита может практически любой человек с киркой и лопатой. Так и вот: я собираюсь полететь на Луну, взять килограмм лунита, вернуться назад и… угадайте что? И стать самым знаменитым и богатым Шмортиком на свете! Ну и заодно спасти человечество от экологической катастрофы, бедности и прозябания в энергетическом рабстве у властолюбивых злодеев. Но главное, конечно, это то, что я смогу купить себе остров в Карибском море, где круглый год лето. И там я смогу заниматься тем, что мне нравиться, никогда не ходить на работу и не видеть никого из тех дураков, кто окружает меня там и тут.

– А где вы работаете? – Барбо́не очень хотел расспросить подробнее про лунит и спасение человечества из лап злодеев, но подумал, что сперва будет правильно поговорить про что-нибудь менее грандиозное.

– Это уже другая страшная тайна, мой дорогой Пуделек Барбо́не. Две тайны за один день – это слишком серьезное испытание для одной не очень большой и очень правильной головы. А что у нас с едой?

– А вот… Все почти готово, можем садиться.

Глава 5, в которой Барбо́не соглашается участвовать в экспедиции и друзья переходят на ты

– Что это было? – Шмортик восхищенно смотрел на пустой котелок. Они только что закончили ужинать и Барбо́не собирал грязную посуду со стола.

– Голландский праздничный пудинг со снежным парфе, это рецепт королевского повара при дворе Людовика XVI. Или попросту тыквенная каша под сливочным соусом. Вам понравилось?

– Понравилось ли мне? Да я, как тот Людовик, попросту потерял голову! Я мог бы есть это каждый день утром, днем и вечером. И потом еще вставать ночью, чтобы облизать кастрюлю! Вот именно так!

Шмортик притянул к себе котелок и начал тщательно его вылизывать, засунув внутрь голову целиком. Закончив это дело, он блаженно откинулся на стуле, выставив вперед заметно округлившийся животик.

Кошка сидела на соседнем стуле как третий участник трапезы – от еды она отказалась, на Шмортика смотрела с недоумением, на Барбóне – с презрением.

– Да, теперь я точно вижу, что с вами я угадал. Вы – тот, кто мне нужен! – Шмортик был очень доволен. Барбóне нравилось, что он кому-то нужен, ведь это случалось совсем не так часто.

– А для чего я вам нужен?

– Пуделек! Я строю ракету, чтобы полететь за лунитом на Луну. Я все рассчитал, и если мои расчеты верные – а это именно так – то к концу года я смогу это сделать. Немецкие мыши, вы их видели, хорошо работают на тестовых заданиях. Все идет по плану. Но мне нужен помощник – здесь, и главное, там на Луне, иначе мне не пробуриться до лунита. Вы хотите полететь со мной? Питание за мой счет. А когда мы вернемся на Землю и продадим лунит, то я вам дам 30%. Или 20. Но это все равно так много, что вы никогда не сможете потратить все эти деньги. Мне нужен в экспедиции кто-то такой же надежный и вспомогательный, как вы. И я люблю вкусно поесть. Короче, предлагаю вам 10% от вырученных денег после возвращения, вы согласны?

Барбóне не знал, о чем думать раньше – в голове как мухи в банке, крутилось столько мыслей. Если у него будут все эти деньги, он тогда сможет купить себе машину. Такую же небольшую машинку, как у этого Шмортика. Но только не такую очень быструю, а немного более спокойную. И немного побольше, чтобы туда можно было поместить все продукты на неделю, когда поедешь в магазин. И можно будет ездить на пикник за город. И там должно быть достаточно места, чтобы уместились и Шапка, и Андерсен, и мама, если она тоже захочет поехать. И наверно, Шмортик тоже. Андерсен сможет ехать на руках у мамы. Да, маленький Фольксваген Жук вполне подойдет. И еще можно будет купить небольшое пианино, чтобы научиться играть. И тогда можно будет играть по вечерам для Шапки и Андерсена и петь вместе. При маме играть не стоит, она наверняка скажет, что он неправильно ставит пальцы. Но Шапка ничего не скажет. И Андерсену это тоже понравится. И еще можно купить новую швейную машинку и сшить новые занавески во все комнаты. Нет, старые занавески еще хорошие. Но все равно, можно сшить новые, чтобы было на смену. И еще…

– Так что же вы скажете, Пуделек? Вы согласны?

Барбóне очнулся от сладких грез. Шмортик и Кошка внимательно смотрели на него, Шмортик с легким нетерпением, Кошка с явным неодобрением.

– А это опасно?

– Очень! Во-первых, ракета может взорваться, – Шмортик начал “выкидывать” пальцы, отсчитывая опасности, – Во-вторых, может закончиться топливо и мы не долетим до Луны и так и будем болтаться где-то там в космосе, пока нас не затянет в черную дыру. Затем, у нас может кончиться воздух и мы задохнемся.

Шмортик выставил четвертый палец:

– Потом: мы же не знаем, что нас ждет там, внутри Луны. Хорошо, если какие-нибудь лунные мыши, а если злой дракон, питающийся маленькими пудельками? Но самая большая опасность…

Теперь Шмортик потрясал в воздухе ладонью с растопыренными пальцами, как будто праздновал победу. И вдруг он замолчал. Барбóне ждал продолжения, но Шмортик смотрел перед собой не мигая, он о чем-то сосредоточенно думал. Барбóне немного подождал из вежливости, потом начал ерзать на стуле. Он кашлянул для приличия, но Шмортик как “завис”, так и сидел неподвижно, глядя перед собой, только дымок струился из его трубки вверх к потолку. В конце концов, Барбóне не выдержал и спросил:

– Так какая опасность? Самая большая?

Шмортик очнулся, вынул изо рта трубку и задумчиво продолжил:

– Мне кажется, я упустил одну вещь… Но ведь действительно, странно… Неделю назад мне пришло письмо из какого-то фонда, никогда о таком не слышал, подписано “Коммандер Л.М. Морра-Крюгер”. Он пишет, что у них космические исследования, независимый научный центр, самая полная коллекция лунных грунтов. Пишет, что они с интересом следят за моей работой, и готовы принять участие… Я сразу так обрадовался – ведь тогда можно все сделать намного быстрее. А теперь я вот думаю: откуда они узнали про меня? За какой моей работой они следят? В самом начале, пока я еще не понял, что означает мое открытие и сколько денег оно может мне принести, я рассказывал налево и направо о луните, о полете… Но мне никто не верил. Кто-то вежливо кивал, кто-то смеялся… Потом, когда дело пошло, у меня уже даже и времени не было, чтобы это с кем-то обсуждать. И тут вдруг этот фонд. И я теперь думаю: а вдруг это тайный конкурент, и он хочет воспользоваться моим гением? Присвоить себе все плоды моих трудов и стать властелином мира? А вдруг его подослали те плохие люди, у кого нефть и власть, и их цель – чтобы лунит никогда не доставили на Землю? Нет, мне определенно нужен помощник, я один со всем не справлюсь. Пуделек, у вас есть опыт работы в спецслужбах?

Барбóне испуганно помотал головой. До сих пор самое опасное дело в его жизни было, когда они с Андерсеном прошлым летом переносили в сад осиное гнездо, случайно обнаруженное ими на чердаке.

– Ну нет, так нет… Мне все равно нужен помощник, а с конкурирующей организацией я тогда разберусь сам. Итак, вы принимаете мое предложение? 5% от всего, что мы выручим после полета, за минусом расходов на экспедицию и питание.

Барбóне задумался: а разве только недавно Шмортик не говорил про 30, и 20, и 10%? Хотя конечно, Барбóне не может ожидать многого – какой из него путешественник и помощник, ведь он даже на самолете никогда не летал, и химию в школе совсем не учил.

– А за 5% я смогу купить какую-нибудь машину, например, фольксваген жук? и еще пианино?

– Вы сможете купить себе все заводы мира, производящие машины и пианино, и еще пару тысяч мастерских, делающих аккордеоны и скрипки. Не сомневайтесь, Пуделек! Идемте, я вам все покажу.

Шмортик еще разок с надеждой заглянул в котелок, в котором раньше была каша – но тот был пуст и чисто вылизан – затем резво вскочил и двинулся в сторону большой стеклянной двери, ведущей на террасу на крыше. Кошка спрыгнула со стула на пол и тоже устремилась на улицу. Барбóне шел за ними следом, думая о всех тех заводах, что ему предстоит купить. Как же он будет ими управлять? У него это будет занимать все время и будет совсем некогда учиться играть на пианино…

Пока они готовили еду, ужинали и разговаривали, на улице все поменялось. Гроза ушла, ветер стих, – непогоды как будто и не бывало. В мир пришла тихая прозрачная ночь из тех, что иногда случаются в конце весны и начале лета, когда после дождя вся земля стоит умытая и юная. Огромное небо – совсем уже темное на востоке и все еще светлое на западе, там, где недавно зашло солнце – начало проступать звездами. Прямо у них над головой стояла необычно большая полная луна – такая желтая, в дырочках кратеров, в темных и светлых разводах далеких впадин и возвышенностей.

Каждый раз, когда Барбóне смотрел на небо и видел луну, он обязательно находил там на диске, вверху справа, скопление темных пятен. Это был Лунный Пудель. Вот он аккуратный сидит на задних лапах. Правильно пострижен, с большим помпоном на высоко поднятом хвосте. Сам Барбóне никогда так не стригся – он равномерно обрастал везде зимой, а летом, когда было жарко, стригся весь коротко-коротко.

Эй, Лунный Пудель, привет! Когда Барбóне был еще совсем маленький они с Андерсеном часто разглядывали его и придумывали разные истории о том, как этот Лунный Пудель оказался там на Луне. Иногда это был тайный брат Барбóне , похищенный пришельцами, сбежавший от них и теперь обосновавшийся на Луне. Иногда они представляли, что это таинственный знак, оставленный для Барбóне одним добрым волшебником. А иногда – что это сам Барбóне , вот он вырос и стал астронавтом: это он прилетел на Луну и пока присел отдохнуть перед тем, как двинуться на Марс, Сатурн и дальше в Созвездие гончих псов. В детстве Барбóне был уверен, что Луна сделана из сыра и это мыши прогрызли на ее поверхности все эти дырочки. Эй, Лунный Пудель, привет, может быть, я скоро тебя навещу! Но… ведь это так опасно!

Шмортик быстро перемещался по террасе и почти уже исчез из виду в сгущающейся темноте, так что Барбóне пришлось отвлечься от Луны с ее Пуделем и поспешить следом – налево, вверх по лесенке, потом еще какие-то проходики и мостки, еще выше. Еще немного вперед между труб и каких-то будок, один раз даже пришлось прыгать с одной крыши на другую, правда их края почти касались друг друга и очень страшно не было.

Ракета вдруг возникла из-за угла. Она стояла на огороженной площадке – небольшая, но совсем настоящая, как показывают по телевизору: острая сверху, пузатая снизу, с турбинами по бокам, с лесенкой, ведущей наверх в капсулу, с круглыми иллюминаторами. Шмортик смотрел на ракету с умилением.

– Вот она – это Лунамета-2 – моя новая ракета для путешествия на Луну. Лунамета-1 само-ликвидировалась с группой рабочих мышей в прошлом году. Жалко. Очень жалко. Там было много ценного оборудования. И теперь пришлось оборудовать новую стартовую площадку, подальше от того места, где я живу. Видите, какая красавица моя Лунамета-2? Вам нравится?

Барбóне очень нравилось. Он смотрел на Лунамету-2, на Шмортика, на Луну с силуэтом Лунного Пуделя. И на душе у него было радостно и немного страшно. Хотя от того, что немного страшно, еще больше радостно. Он вдруг, неожиданно для себя самого сказал:

– Мне очень нравится! Я хочу быть вашим помощником и полететь с вами в экспедицию на Луну. Я только почти ничего пока не знаю про экспедиции.

– Вот и отлично! Я вам все расскажу.

– И я еще тоже работаю в кондитерской – два дня работаю, а потом два дня отдыхаю. Так все время – 2 через 2. Это же не будет мешать?

– Это даже будет нам очень помогать. Вы будете снабжать нас свежей выпечкой, без этого любая экспедиция может сдуться и развалиться. Итак, вы в деле. О зарплате мы договоримся потом.

Шмортик пыхнул трубочкой, протянул лапу Барбóне и они обменялись лапо-пожатием в знак согласия.

– Говори мне ‘ты’, Пуделек! Ведь теперь мы друзья и партнеры.

– И вы тогда говорите мне ‘ты’ тоже.

– А я и так говорю! Тогда пойдем назад пить чай!

Глава 6, в которой Барбо́не не может уснуть, а Андерсен вспоминает былое

Барбо́не надел голубую байковую пижаму с микки-маусами и сел на кровать. Часы на стене показывали час ночи, Андерсен давно уже спал в своем ящике. Завтра рано вставать на работу, но Барбо́не не спалось.

Он ничего не рассказал Андерсену про Шмортика, и про то, как он пронесся на Мамусе через город и поля, и как он побывал на заброшенном заводе, и про очень организованных мышей, и про тыквенную кашу, и про ракету. И особенно про то, что он согласился лететь на Луну за лунитом и это изменит мировую историю, и что скоро они станут очень богаты и купят множество заводов по производству пианино. Барбо́не знал, что Андерсен его не одобрит. Потому что правильные собаки так себя не ведут. Это несерьезно. Это опасно. Это все поставит с ног на голову в их жизни. А в жизни главное – порядок, умеренность и аккуратность.

Поэтому Барбо́не просто соврал Андерсену о том, как он провел сегодняшний день. Он придумал очень правдоподобную историю о том, как по дороге в библиотеку он встретил Красную Шапку, а у нее ураганом унесло с балкона все вещи, и они ходили по округе и собирали все эти ее унесенные ветром вещи, ведь она как раз накануне постирала и повесила сушиться половину своего гардероба, а тут этот ужасный ураган! Андерсен поворчал немного (“Это очень похоже на Шапку!”), но вопросов особенно не задавал, был доволен, что ‘все вещи нашлись’, и скоро отправился спать.

А Барбо́не не спалось. Ведь он почти никогда не врал – он же был очень правильной собакой. И от того, что он сейчас придумал всю эту небылицу про Шапку и ураган, он чувствовал себя не очень хорошо. Было и еще кое-что, что беспокоило Барбо́не . А как же он сможет полететь на Луну, а кто тогда будет вместо него работать в кондитерской? И если Шмортик не ошибается, и за ним действительно следят какие-то злодеи? Ведь открытие лунита изменит историю человечества. А Барбо́не совсем не умеет драться. А если ракета взорвется при взлете, как взорвалась та, первая ракета, с организованными мышами? Как жалко тех мышей. А вдруг они погибнут без воздуха – задохнутся там на Луне? Ой, как жалко себя. А Андерсен тогда скажет: “ну да, с самого начала было ясно, что этим все кончится!” А мама тогда скажет… Барбо́не даже не мог себе представить, что скажет мама. Он даже зажмурился и немного потряс головой, как бы отгоняя мрачное видение.

Наверно, лучше завтра пойти к Шмортику и отказаться лететь с ним на Луну. Шмортик, конечно, так расстроится, ведь он… Он такой в сущности приятный изобретательный мыш, с ним так интересно. И он время от времени говорит разные умные вещи… Ну там про то, что Барбо́не очень полезный, и что он хорошо готовит. И ему нужна помощь, и он позвал Барбо́не . И экспедиция – это такая важная вещь, важная в мировом масштабе.

‘Ой, как же нехорошо получится, если я завтра пойду к Шмортику и откажусь. Но как же нехорошо получится, если я не откажусь, и потом об этом узнает мама… ойойой..’ Барбо́не лег на подушку и тихонько заскулил. Он почти совсем не умел сам принимать правильные решения.

– Что ты там воешь как белуга?

Сонный голос Андерсена вернул Барбо́не назад в спальню. Может, все-таки, рассказать Андерсену про все?

– Андерсен, ты не спишь?

– Как же я могу спать, если ты скулишь среди ночи, как несмазанная дверь. Что там у тебя опять случилось?

Сколько Барбóне себя помнил, Андерсен всегда был рядом. Это только внешне он был ворчливой черепахой. В действительности он был для Барбóне как любимая поваренная книга: там всегда найдешь самые проверенные рецепты как для полезного завтрака, так и для праздничного ужина. Андерсен знал Пуделька с самого раннего детства и знал его лучше других. В разных жизненных ситуациях приземленный взгляд Андерсена не позволял Пудельку улететь слишком далеко. Но были и особые случаи, когда именно Андерсен говорил Барбóне “Ты сможешь, давай!” И Барбóне давал. Для каждого не очень уверенного в себе пуделька очень важно, чтобы рядом оказался кто-то такой, как Андерсен. Вы согласны?

Папа Барбóне был генералом. Он служил в Генеральном Штабе и всю жизнь делал что-то очень последовательное, предсказуемое и квадратное, как написано в Уставе. Он был очень большой, добрый и надежный человек. Он был важным начальником и отвечал за что-то очень значительное. И еще он во всем слушался Маму, потому что Мама всегда знала лучше, как нужно сделать. Это правило было таким же простым и понятным, как все другие правила, по которым жил Папа и которые по преимуществу были записаны в Уставе. За долгую жизнь Папу посылали в разные места, а Мама обычно ездила с ним. Барбóне и Андерсен обычно их ждали дома.

Папа всегда хотел, чтобы Барбóне , когда вырастет, тоже пошел в армию и стал генералом как Папа. Мама тоже этого хотела. Поэтому с раннего детства Пуделька все знали, кем он будет, когда вырастет. Но Барбóне , когда вырос, понял, что больше всего на свете он хочет быть поваром. Он хочет печь торты и булочки, и делать самые красивые пирожные и самые вкусные соусы для спагетти, и самые румяные колбаски, и ароматные запеканки, и неожиданные праздничные салаты, и вкусные супы, а не такие супы, как обычно делали у них в школьной столовой. Он делал все это легко и как-то сам собой всегда знал как нужно, не заглядывая в книги и не спрашивая совета у других. Барбóне хотел быть поваром и совсем не понимал, как же он сможет стать генералом, если он даже не может прочитать Устав от начала до конца.

– Андерсен, как же мне быть? Ведь Мама и Папа никогда не разрешат мне стать поваром… А я совсем не могу быть генералом.

И тогда Андерсен дал Барбóне очень хороший совет:

– А ты просто не говори маме, что ты стал поваром, но скажи вместо этого, что все идет по плану, что тебя приняли на службу, и определили в самую важную часть, и что вы тренируетесь ежедневно.

– А потом, когда все откроется?

– Вот потом и будешь думать, что делать. И потом будет уже поздно.

Так и пошло, что Барбóне стал работать в кондитерской и на вопросы родителей отвечал уклончиво: служба идет, я на хорошем счету, меня хвалят. Очень скоро Барбóне “перевели в разведку и совсем запретили говорить посторонним про то, чем он занимается”. Андерсен был доволен, что Пуделек стал кондитером: потому что это вкусно и потому что он, Барбóне , в кондитерской был на своем месте.

– Вот видишь, как все хорошо получилось?

‘Да, определенно нужно все рассказать Андерсену’ – подумал Барбóне . И сразу же рассказал. Про все удивительные события сегодняшнего дня и про то, что он согласился лететь на Луну, но теперь ему страшно – ведь столько всего придется менять в жизни, и это опасно, и мама, конечно, будет против.

– Так значит, у Шапки ураганом не уносило все вещи с балкона и вы не собирали их по всему городу. Ну и врун ты, Барбóне , вот же не думал.

Андерсен замолчал. Барбóне было одновременно и немного стыдно, что он обманул Андерсена, и обидно, что Андерсен говорит об этом сейчас, когда решается судьба Барбóне и всего человечества. Барбóне вздохнул и отвернулся к стене – там на обоях были нарисованы гуси и одуванчики, Барбóне хорошо знал эту стену, ведь он видел ее с самого раннего детства.

Он бессчетное количество раз пересчитывал этих гусей и эти одуванчики. Начиная от изголовья и до нижнего края кровати было 6 гусей и 12 одуванчиков. Барбóне решил пересчитать гусей. Все гуси, по-прежнему, были на месте, их было 6.

– Я расскажу тебе одну историю, Пуделек. Про твоего дедушку. Когда он был еще маленький. Ты же знаешь, что меня купили в подарок именно ему. А потом уже я стал черепахой у твоей мамы. А от нее перешел к тебе и стал твоей черепахой. Так вот, когда твой дедушка был еще маленьким мальчиком, он очень любил книжки про пиратов. И он тоже хотел стать пиратом. Ходить по морям, заходить в порты, сражаться с другими пиратами, захватывать сокровища. Потом, когда он стал постарше, он уже хорошо знал, что быть пиратом нехорошо. Твой дедушка был очень правильный дедушка. Ты похож на него, Пуделек. Но все равно, он не хотел просидеть всю свою жизнь дома. Он думал, что когда вырастет, то все же станет моряком. Он будет стоять за штурвалом корабля, заходить в порты, покупать экзотические фрукты и смотреть на необычных животных, которые живут только где-то там, в Африке. А в море бывает качка, и шторм, там можно выпасть за борт и быть проглоченным китом. Но от этого только интереснее. Дедушка очень хотел стать моряком. Он купил себе компас, и тельняшку, и выучил азбуку морзе, и семафорное радио. Знаешь, что это? Он умел передавать буквы флажками на расстояние. Ты стоишь на мачте корабля и держишь в каждой руке по флажку. Если оба флажка вниз, то это А, а если в вытянутых руках в обе стороны на уровне плеч, то это Т. И остальные буквы тоже умел сделать. Это очень удобно, если ты плывешь на корабле в открытом море, а на другом корабле плывет твой товарищ. И не докричишься до него, а рация, как назло, сломалась. И он выучил все столицы мира, и все моря и все крупные порты по названиям. И когда ему исполнилось 14 лет, он решил убежать из дома и стать юнгой на корабле, который идет в Бразилию. С вечера он собрал все свои вещи – компас, тельняшку, флажки, чтобы передавать сигналы, пару трусов, теплый свитер, взял все свои накопления…

Андерсен замолчал. Барбóне знал, что нужно немного подождать: Андерсен “подгружается”. У него в голове хранилось почти все, что случилось за последние 100 лет, но доставать эти сведения он мог как бы частями, как старенький компьютер. Барбóне пока стал считать одуванчики – они тоже все 12 оказались на своем месте. Пауза затянулась.

– Ну, и что же дальше? – не выдержал Барбóне .

– Дальше ничего.

– Как это?

– Дальше он лег спать, но не мог уснуть. И он начал думать о том, что скажут его родители завтра. Как его мама будет плакать, когда он убежит из дома. И как его папа будет злиться, что он не закончил школу. И как он, возможно, никогда больше не вернется домой и не увидит их. Ведь можно упасть за борт и тогда тебя съест акула. И можно заболеть тропической лихорадкой и умереть на неизвестном острове среди дикарей. И еще не факт, что его возьмут юнгой на корабль, и тогда придется вернуться домой, а это будет так стыдно. И тогда твой дедушка – а он еще не был дедушкой, ты понимаешь? – ему было 14 лет, он решил, что для начала он закончит школу. А потом поступит в мореходное училище и станет помощником капитана…

Андерсен опять замолчал. Барбóне быстренько пересчитал вместе гусей и одуванчики – почему-то получилось 16, хотя если считать по отдельности – 12 одуванчиков плюс 6 гусей – то выходило 18. Андерсен вздохнул и продолжил:

– А потом он закончил школу и стал бухгалтером. Потому что у него были 2 младшие сестры – Роза и Маргаритка, и им нужны были новые платья, и в семье вечно не хватало денег, чтобы заплатить вовремя по счетам, и дедушкин папа работал на 2 работах, а дедушкина мама заболела. Твой дедушка был очень правильный дедушка, он не поехал поступать в мореходную школу. Он пошел работать бухгалтером. Потом он встретил бабушку, женился на ней. Потом у них родилась твоя мама. И дедушка много работал, чтобы все были довольны и счастливы. И сам он тоже был доволен тем, как все складывалось в его жизни. Но иногда ночью, обычно

в начале весны или в самом конце лета, он доставал компас, надевал тельняшку и садился рассматривать большую карту мира. И он планировал маршрут и размечал переходы между стоянками в портах, записывал в блокнотик какие-то координаты, продумывал что-то такое морское, с приключениями. И в эти минуты он был такой счастливый. А потом он снимал тельняшку, прятал в ящик компас и карту. И так тяжело вздыхал, что сердце разрывалось на куски смотреть на него. В такие минуты, казалось, что он очень-очень несчастлив. А потом уже и компас куда-то потерялся и карта порвалась. Но дедушка все равно иногда надевал свою тельняшку и так сидел, когда его никто не видит.

Андерсен и Барбо́не какое-то время молчали. Они думали о дедушке.

– Знаешь, что я думаю, Пуделек? Иногда бывают ситуации, когда очень сложно сделать выбор. И от того, что ты выберешь, вся жизнь может пойти в одну сторону или совсем в другую. И тогда очень важно послушать себя, именно себя, а не всех тех, кто знает, как нужно. И если ты решишь не участвовать в экспедиции, то это, вероятно, будет правильное решение. Но я очень не хочу, чтобы потом… каждый раз, когда ты потом будешь видеть полную Луну, с Лунным Пуделем на боку… чтобы потом ты вздыхал так тяжело, как твой дедушка, никогда не ходивший в море. Ведь на самом деле он был славный моряк и путешественник, твой дедушка. Ты понимаешь меня, Пуделек?

– Наверно, понимаю.

– Тогда давай уже спать! Тебе завтра на работу.

Барбо́не еще немного полежал с открытыми глазами, снова пересчитал гусей с одуванчиками – теперь их было восемнадцать. Это его очень успокоило. Надо спать. А о том, как рассказать маме, что он вскоре полетит со Шмортиком на Луну, он подумает завтра, когда будет месить тесто для большой кулебяки.

– Андерсен, а Андерсен. Ты уже спишь?

Андерсен ничего не ответил.

– Спасибо тебе, Андерсен! Спокойной ночи.

Барбо́не закрыл глаза и моментально заснул.

Глава 7, в которой Барбо́не идет на работу, а мы больше узнаем про гнумов и жителей города

Утром светило яркое солнце. На душе у Барбо́не было так хорошо, что ему хотелось кричать ура. Он вообще любил просыпаться по утрам, ведь впереди еще целый длинный день, можно так много всего сделать и узнать. Барбо́не шел по пустой в этот час улице, смотрел по сторонам и тихонечко пел про себя морскую песню: “Бескозырка белая, в полоску воротник…”.

Ровно в семь Пуделек открыл дверь кондитерской под вывеской “Папаша Вольф и дочери”. В этой кондитерской он работал уже несколько лет. Дзынь-дзынь прозвенел колокольчик над дверью.

– Привет, Пуделек! – сказала хозяйка кондитерской, она была одной из дочерей на вывеске над входом. Она жила в том же доме, на втором этаже, и всегда сама открывала по утрам ставни и дверь. Папаша Вольф давно отошел от дел, а все другие дочери разъехались.

– Здравствуйте, госпожа Вольф! Прекрасное утро! – Барбо́не любезно поклонился хозяйке. Хотя он работал здесь не первый день, а хозяйка всегда была с ним добра и приветлива, он не забывал показывать ей свое уважение. Он знал, что ей это нравится.

Госпожа Вольф была высокая и полная, имела наружность волка, который переоделся бабушкой в ожидании прихода Красной Шапочки. Но на самом деле она была доброй и веселой, она сразу полюбила Пуделька как сына. Так она сама говорила. Она тоже была гнумом.

Ой, ведь мы же до сих пор так ничего и не рассказали про гнумов! Так вот, гнумы живут среди нас и мы встречаемся с ними каждый день. Правда, мы не всегда понимаем это. Дело

в том, что гнумы только наполовину животные, а на другую половину они такие же люди, как мы. Как такое возможно? Непонятно. Но когда человек видит гнума, он видит мальчика или девочку, женщину или старичка. Обычный человек, как я или вы, когда встречает гнума, иногда все же замечает в нем какую-то особинку. “Странная походка у этого господина, он ступает совсем как журавль. Этот мальчик похож на зайца, посмотри, как он грызет морковку. Какая необычная тетенька: какой у нее большой нос, и голос каркающий, совсем как у вороны”. Люди часто говорят, что-нибудь типа этого.

Но когда гнум встречается с другим гнумом, то он сразу же понимает, что перед ним именно гнум, потому что видит его “нечеловеческую” сущность. Вот лохматый Пуделек читает книгу, а вот очень худой Мыш едет домой на своем автомобильчике. Гнумы видят друг друга такими, как они есть на самом деле.

Почему гнум рождается у обычных родителей, среди самых обычных братьев и сестер – непонятно. Но это происходит то там, то тут, в самых разных местах. Обычно дети-гнумы понимают, что они другие, уже в самом раннем детстве. Окружающие взрослые чаще всего тоже видят, что с их детьми что-то не так, и сразу начинают их “переучивать”. Иногда им это даже удается и “переученный” гнум почти забывает, кто он есть. Однако большая часть просто замыкает от чужих эту часть себя и живет с людьми как обычный человек, а с гнумами как обычный гнум.

Дело в том, что жизнь гнумов – это не просто быть наполовину Овцой или Птицей, а наполовину мальчиком или бабушкой. Жизнь гнумов – это параллельный мир, расположенный вперемешку с нашим.

Начнем с того, что каждый гнум обязательно умеет что-то такое, чего не умеют другие. Кто-то умеет подпрыгивать и задерживаться в воздухе, кто-то видит сквозь стены, кто-то может заглядывать в будущее, если настроится на нужный лад. Бывают способности, вроде бы, и совсем бессмысленные – например, умение бурчать животом любые мелодии или видеть во сне исключительно дельфинов и ящериц. Но в жизни гнумов и такие умения часто пригождаются.

Особые способности, которые проявляются у гнума уже в детстве, возникают как бы случайно и никто не знает, почему именно эти, а не другие. Барбо́не , например, умел готовить еду по наитию, заранее изнутри себя зная, какие ингредиенты в каких количествах нужно взять, чтобы получилось вкусно. Почему так происходит – непонятно.

Еще гнумы чаще всего видят и слышат то, что проходит мимо обычных взрослых людей незамеченным – а именно всякое волшебство. Все драконы и единороги, все тролли и зеленые человечки, все домовые и приведения – все то, что обычно ускользает от взрослых, проваливаясь в щель между действительностью и сном, все это является в мире гнумов вещью самой обычной. С этим миром гнумы прекрасно ладят, для них это такая же часть действительности, как для нас цветение липы или звонок телефона.

Ну и, наконец, поскольку гнумы наполовину все-таки звери, чаще всего они умеют разговаривать с другими животными. Почти все они лучше или хуже понимают язык зверей и птиц и могут общаться с ними на равных, как Барбо́не общается с Андерсеном. Ладно, хватит пока про гнумов, тем более, что Барбо́не пора приступать к работе, чтобы успеть со свежей выпечкой до открытия кондитерской.

В заднем помещении Барбо́не быстро переоделся в белый пекарский костюм, в котором он всегда работал на кухне. Он посмотрел на себя в зеркало – в таком виде он был похож на каратиста. Барбо́не сделал несколько движений, подражая мастерам боевых искусств, затем поклонился своему изображению в зеркале. ‘Если бы я умел драться, это бы очень пригодилось при встрече с опасными лицами, пока мы будем готовить экспедицию. Нужно взять в библиотеке какую-нибудь книжку-самоучитель и выучить пару самых нужных приемов‘ – подумал Барбо́не . Затем он надел на голову свой высокий поварской колпак, теперь он стал похож на

митрополита неведомой церкви. Пуделек величественно поклонился направо и налево, потом поднял обе лапы и благословил свое отражение в зеркале. ‘Наверно, это интересно, быть священником. Я был бы очень хорошим священником, потому что я очень… я очень хорошо могу кланяться. И я хорошо умею слушать, это очень важно в работе священника’

Барбóне сегодня работал особенно ловко и весело. Он выхватывал большие куски теста из бадьи с опарой, бросал их на стол и раскатывал, добавлял муки и всякого разного, что ему было нужно сегодня. Чтобы хлеб получился по-настоящему вкусным, нельзя просто сделать все по рецепту как всегда. Один день не похож на другой, поэтому и рецепт хлеба для зимнего солнечного дня или для летнего дождливого будет свой. Каким-то непонятным образом Барбóне знал, что нужно добавить в тесто сегодня, чтобы постоянные покупатели опять сказали: “У Вольфа всегда самая вкусная выпечка! Как они это делают?!”

Барбóне месил и катал, улыбался и тихонько про себя пел “каравай-каравай, кого хочешь выбирай”. При этом он все думал об экспедиции и тесто само собой принимало ту или иную форму. Из-под его белой от муки лапы сегодня выскакивали большие как полная луна хлеба, мелкие изогнутые рогалики, похожие на молодой месяц, небольшие вытянутые пирожки с дырочкой по центру, ужасно напоминающие ракету с иллюминатором. Госпожа Вольф посмотрела на то, что получилось у Барбóне , и осталась довольна. ‘Что бы я делала без этого Пуделя. Надо будет подарить ему что-нибудь очень хорошее на будущее Рождество. Точно! Нарядный галстук!’

Папаша Вольф, пока еще был в силе, был большим модником. Он имел 1000 галстуков и каждый день стоял за прилавком кондитерской в новом красивом галстуке на радость дочерям и покупателям. Теперь по старости он в основном сидел в своей квартирке на втором этаже и перечитывал старые номера газет из того времени, когда он был молодым. Лишь изредка он спускался вниз, по большей части ночью, чтобы проверить, что все окна и двери надежно заперты, а тесто подходит как надо. Так что теперь все его 1000 галстуков просто висели в шкафу без дела и экономная госпожа Вольф втихую дарила их направо и налево, справедливо полагая, что Папаша никогда не заметит пропажи пары-тройки не самых любимых своих галстуков. У Барбóне было уже 3 галстука, подаренных госпожой Вольф: синий с сидящими собачками, зеленый с маками и серебристо-серый в китайский огурец. Пудель галстуки не носил никогда, но они ему нравились сами по себе – иногда он их доставал и рассматривал. Он представлял себе, как он в одном галстуке отправляется на прием и пьет шампанское из высоких фужеров, а в другом галстуке ему на сцене вручают приз за победу в каком-нибудь очень важном конкурсе, иногда кулинарном, а иногда песенном. Пудель кланяется и произносит речь.

К открытию вся выпечка была на прилавке, в уютном чистом зале пахло свежей сдобой с корицей. Пол и окна блистали чистотой, на двух столиках у входа, где посетители могли присесть в ожидании своей очереди или выпить какао со свежей булочкой, госпожа Вольф постелила новые белые скатерти.

Обычно хозяйка сама стояла за прилавком, но сегодня у нее были другие планы и ее место занял Барбóне . Дело в том, что вчера одна очень осведомленная покупательница по секрету сказала госпоже Вольф, что скоро цены на нитки и пуговицы должны резко вырасти – это было как-то сложно связано с неурожаем кукурузы в Южной Америке. Госпожа Вольф собиралась сегодня же отправиться в универмаг, чтобы закупиться нитками и пуговицами, пока цены не взлетели до небес. Поэтому сегодня Барбóне оставался в магазине и за продавца тоже, а все несрочные работы на кухне переносились на другие дни недели.

Барбóне любил стоять за прилавком. И хотя ему всегда было немного смутительно, что вот он такой в сущности небольшой и незначительный стоит за прилавком, отвечает за кассу, где лежат деньги, передает товар и ведет беседу, ему очень нравилось рассматривать покупателей, рассказывать им про пироги и печенья, говорить с ними про погоду и политику.

Барбóне стоял на месте продавца и улыбался сам себе, думая о том, какой вкусной и красивой у него получилась выпечка сегодня. Прямо перед ним в витрине лежали большие эклеры с кремом сливочным, с кремом заварным, с кремом шантильи и с фисташковым кремом. Справа от эклеров был поднос с песочными корзинками с фруктами и ягодами в желе, слева – пирожные наполеон с заварным кремом и миндальные тортики. За спиной у Пуделька на стеллаже лежал свежий хлеб и сдоба всех видов. Пуделек огляделся вокруг и подумал, что это все очень хорошо, и решил сварить себе какао, пока никто не пришел.

И в этот самый момент – дзынь-дзынь – прозвенел колокольчик над входной дверью. В кондитерскую вошла Прелестная Синьора – так Барбóне ее называл за глаза. На самом деле такой уж прелестной она вовсе не была. Это была полноватая дама не первой молодости, однако вела она себя так, будто все еще была девушкой в поре цветения. Она всегда одевалась очень ярко, но совсем не модно, а скорее нелепо, говорила много и все больше какую-то чепуху. А Прелестной синьорой Барбóне прозвал ее потому, что, о чем бы она ни говорила, все у нее было “прелестным” и “очаровательным”. Она все время пересказывала Барбóне содержание какого-то мыльного сериала, где “прелестные” девушки постоянно становились добычей коварных аристократов и бесчестных, но “очаровательных” миллиардеров. Сериал этот Барбóне никогда не смотрел, что нисколько не смущало Прелестную Синьору.

– Добрый день, молодой человек, – Прелестная Синьора загадочно улыбнулась Барбóне , как будто подразумевала что-то совсем другое.

– Здравствуйте! Что вам предложить сегодня?

– Ах, даже не знаю… что-нибудь легкое к чаю, пожалуй… – она рассеянно начала разглядывать пирожные в витрине перед Барбóне , при этом левой рукой делала некие пассы, как будто дирижировала невидимым оркестром – Только не много. Я ведь живу одна, и сегодня не жду гостей. – Прелестная Синьора выразительно посмотрела на Барбóне .

– Эклер? Они воздушные, есть разные. Какой вам?

– Да? Пожалуй… Давайте обычный. Две штуки. И шантильи, они прелестные, тоже два… И еще с фисташковым кремом, два. Взять разве еще со взбитыми сливками? Давайте парочку. И еще 4 корзинки с фруктами. И два пирожных Наполеон. И этот прелестный миндальный тортик. Нет, давайте тортик не будем. Лучше дайте мне еще 6 плюшек с корицей. И улитку с изюмом. Парочку. А хлеба тогда не надо.

Барбóне видел Прелестную Сеньору далеко не первый раз, поэтому не удивился размерам ее заказа – она почти всегда покупала половину кондитерской. Но про себя он подумал: “Хорошо, что она не ждет гостей, а то все остальные покупатели сегодня остались бы без своих любимых пирожных”.

– Вы смотрели вчера “Бремя страстей”? Но какой поворот! Просто в голове не укладывается! – Прелестная Синьора сделала большие глаза и приложила свою полноватую ручку к полноватой щеке, что должно было выражать полное изумление.

– Нет, а что случилось?

– Как, вы не знаете? Пришли результаты генетического теста. Невинная Мессалина, прелестная девушка, оказалась внебрачной дочерью старого Августа, и злой Клаудио, очаровательный, но такой недобрый, теперь не сможет на ней жениться! Но тут, как из-под земли, появляется та прелестная цыганка…

‘…Но все-таки непонятно, как одна не так чтобы очень большая Прелестная Синьора сможет съесть все эти пирожные одна,’ – думал Барбóне , пока та давала отчет о последних драматических событиях сериала, – ‘А может быть она живет не одна, а в ее доме скрываются шестеро внебрачных детей ее младшей очаровательной сестры, которые вынуждены прятаться там от своего внебрачного отца. Потому что он очень злой и хочет заставить их учиться в военной академии, а они этого не хотят, они все хотят быть исследователями и путешественниками.

И вот они все договорились, что ночью один дружественный капитан возьмет их с собой в кругосветное плавание и Прелестная Синьора решила устроить им прощальный ужин…'

– …Но они еще не знают, кто придет на этот ужин!

– А кто же еще? Их внебрачный отец?

– Какой отец? – Прелестная синьора озадаченно нахмурилась.

Барбóне понял, что это про другой ужин – в сериале, который он не смотрел – и решил от греха подальше переменить тему:

– Как вам вчерашний ураган? Ужас, правда?

– Я ничего не знаю, какой ураган? – Прелестная Синьора не досказала свой сюжет и была очевидно удивлена тем, как странно Барбóне ведет беседу.

– Вчера был дождь, и град, и ветер – меня чуть не унесло в небо…

Это тема не вызвала у Синьоры особого интереса, она рассеянно кивнула и продолжила, как с новой строки:

– Вчера начали показывать повторение первого сезона. Я смотрела не отрываясь. Ах, такие прелестные фильмы можно смотреть и два раза, и три, и пять! Пойду, а то опоздаю, сегодня показывают серии с 8 по 16. До свидания, молодой человек!

Прелестная синьора снова улыбнулась так же загадочно, будто имела в виду что-то еще.

'Какая она все-таки необычная женщина, эта Прелестная Синьора. Хотя в сущности все же неплохая. Многие люди живут в своем мире, ее мир полон прелестных выдуманных страстей и настоящих сладких пирожных. Что не так уж плохо…' – но мысль эту Барбóне до конца додумать не успел, потому что – дзынь-дзынь – в кондитерскую зашел другой покупатель.

Это был Мытарь Нуну. Это имя Барбóне дал одному господину, который, хотя и редко покупал что-нибудь у них, в кондитерскую заходил почти каждый день, просто чтобы поговорить о чем-нибудь мало приятном и создать всем вокруг себя маленький дискомфорт. Мытарь Нуну был бодрым дедком в районе 75 лет. Роста небольшого, фигуру имел плотно сбитую, ходил в спортивном костюме. На лице у него отражалось несварение желудка и камни в желчном пузыре. Говорил он голосом лающим, зло и язвительно, решительно не одобрял все, что происходит вокруг, считал всех мошенниками и подлецами. На любую фразу собеседника реагировал одинаково: *"Ну-ну…"* И произносил это ну-ну он с такой интонацией, что сразу было ясно: *"Этого на мякине не проведешь"*.

Барбóне не очень знал, что означает слово 'мытарь', но оно очень хорошо подходило этому человеку: он так выматывал своими разговорами, так мытарствовал, прежде чем что-то купить, так что жить не хотелось. Но в такой хороший день, как сегодня, Пуделек не помнил плохого, он был полон радости и благорасположения, даже и к Мытырю Нуну.

– Здравствуйте! Доброго дня! – Барбóне приветливо улыбнулся

– Доброго дня? Ну-ну… – Старик посмотрел мимо Барбóне на стеллаж с хлебом. – Дайте мне ржаного.

Ржаной лежал на самой верхней полке, чтоб достать что-то оттуда Барбóне приходилось залезать на лесенку. Он уже забрался наверх и протянул лапу за буханкой…

– Это что цена? Вы хлебом торгуете или ювелирными украшениями?

Барбóне повернулся к Нуну, тот неодобрительно читал объявление на стене "Праздничные торты на заказ". Он ткнул пальцем в цену.

– Это за самый большой свадебный торт, там 5 килограммов и украшения из фруктов и фигурки с лицами жениха и невесты из марципана.

– Марципана? Нуну… Из чего же вы делаете ваши марципаны, что нормальному человеку нужно продать глаз и почку, чтоб купить ваш торт? Вот уж свадьба, праздник так праздник.

– Марципан делают из миндаля.

Барбо́не стоял на лесенке, отсюда весь зал кондитерской – витрина, полки, столики, дверь – все выглядело по-другому, как-то очень непривычно. А Мытарь Нуну отсюда казался старым гномом, совсем небольшим, даже незначительным, отсюда сверху его даже было немного жалко. “Вот если бы я был такой высокий” – подумал Барбо́не , – мне было бы так просто доставать хлеб с верхней полки. И еще коробку с новогодними украшениями с антресоли дома. Было бы интересно. Протягиваешь руку и срываешь вишни с самых верхних веток. Но надо будет прорубить дома высокие двери, а то я буду биться головой о косяк”.

– Не нужно ржаного, он у вас как всегда черствый.

– Сегодня испекли…

– Сегодня? Нуну… Я отсюда вижу, что он нехороший. Не надо мне. Дайте мне лучше вот это, что это тут у вас? – Мытарь Нуну с легким омерзением ткнул куда-то в витрину перед собой.

Барбо́не спрыгнул вниз – отсюда весь мир опять выглядел как обычно и мытарь Нуну был как обычно просто неприятный старик. Барбо́не склонился над витриной и любезно спросил:

– Что вам здесь приглянулось?

– Приглянулось! Ну-ну… Вот это что? – Мытарь ткнул перед собой.

– Это пирожное Наполеон. Слоеное тесто и сливочный крем.

– Я знаю, что такое Наполеон, не надо меня учить. А то я сегодня уже научил кое-кого очень умного. Я спрашиваю совсем про другое – вот это что?

Мытарь Нуну теперь ткнул куда-то совсем в другую сторону витрины, чем в первый раз.

– Это миндальный торт.

– Миндальный торт? Нуну… И из чего он?

– Миндальные коржи, крем тоффи соленая карамель, ромовые цукаты и густые взбитые сливки, почти несладкие.

– Ну-ну.. Звучит отвратительно. Я помню пару лет назад купил у вас что-то со взбитыми сливками. Страшная гадость. Не смог съесть, пришлось выбросить. Ладно, дайте мне ржаного, но только четвертинку, а то с вашими ценами разоришься.

Барбо́не вздохнул и полез назад на лесенку за буханкой ржаного. Дзынь-дзынь – прозвенел колокольчик над дверью. Барбо́не обернулся, чтобы посмотреть, кто пришел.

… Но оказалось, что никто не пришел, это Мытарь Нуну ушел не попрощавшись.

– Ну-ну… – сказал вслух Пуделек, а про себя подумал “Это очень большое несчастье быть Мытарем Нуну и ходить по городу с вечно перекошенным от злобы лицом. Хорошо, что я родился Пуделем Барбо́не и работаю в кондитерской. И еще мы скоро полетим на Луну…”

Дзынь-дзыть прозвенел звонок над дверью и… Барбо́не едва удержался на лесенке, чтобы не упасть, потому что в магазинчик вошла…

– … Нет не вошла, а вступила. Или даже наступила, как весна. Как бы обрушилась. Как звуки торжественной музыки со всех сторон! Органный концерт, трубы и литавры, как шквал аплодисментов. Или как огромная радуга после дождя через все небо… – примерно так позже, вечером того же дня, Барбо́не пытался рассказать Андерсену об этом удивительном событии.

Глава 8, в которой Лили Марлен нарушает диету, а Барбóне почти выдает тайну

Дзынь-дзынь прозвенел колокольчик над дверью и Барбóне , который все еще стоял на лесенке, рассеянно поправлял хлеб на верхней полке и думал обо всем сразу, вдруг оказался “пред лицом её”. Почему-то на ум ему пришло именно это странное сочетание слов, неизвестно откуда попавшее к нему в голову.

Вот еще совсем недавно ничего не было, вернее все было как всегда, а потом – дзынь-дзынь – рррраз – и все изменилось, а он оказался в центре циклона. Все вокруг завертелось в бешеном круговороте и исчезло, а тут в самом центре воронки возникла она, и он, Барбóне , оказался пред лицом её… Барбóне никогда в жизни не видел таких людей вживую. В их городе, и в других городах, где бывал Барбóне , таких просто не было. Только если на картинах, в журналах, по телевизору или в фильмах. Или во сне. Все в ней – фигура, одежда, походка, поза, лицо – все говорило за то, что какая-то богиня ошиблась сферами и – дзынь-дзынь – случайно вошла в их земное измерение через дверь кондитерской.

– Здравствуйте! – сказала она тихим глубоким голосом, неожиданно низким, бархатным, теплым. И улыбнулась как-то так, как будто она пила красное вино и гладила кота, сидя перед камином.

Барбóне не отрываясь смотрел на нее, стоя на лесенке, и не находил внутри себя ни одного слова, чтобы ей ответить. Ему показалось, что у него внутри поднялась температура и давление, и он сейчас взорвется, если сделает хоть одно движение.

– Я вас отвлекаю? Вы еще закрыты? – она говорила так, что Барбóне казалось, что это часть какой-то песни.

Барбóне немного приоткрыл рот, и спустя какое-то время снова закрыл его, но так и не смог сказать ни слова.

– Да что с вами такое? Мне уйти? – незнакомка растерянно посмотрела на дверь позади себя.

– Ннн-нет! – Барбóне , наконец, справился с собой, и это ‘нет’ вылетело из него, как пробка из бутылки шампанского – Ни за что! Наоборот!

– Как это наоборот? – она снова улыбнулась, ласково удивленно глядя на него.

– Не уйти, нет-нет. Я просто немного задумался, извините. – Барбóне на слабеющих лапах спустился с лесенки и сел на последнюю ступеньку, чтобы прийти в себя.

– Вам нехорошо? – незнакомка выглядывала поверх витрины, с тревогой глядя на Барбóне . Ее голос, тихий и проникновенный, был полон участия. Нежный аромат ее духов волнами шел по залу.

Барбóне смотрел на нее снизу вверх, сидя на лесенке, и думал, что ему очень хорошо. Он еще никогда не видел, таких красивых людей. Красивых во всем без исключения. Барбóне хотел сказать ей об этом и уже открыл было рот, но потом понял, что сказать такое он никогда не сможет. Просто потому что не знает каких-то важных слов, чтобы сказать именно это. Поэтому он просто немного потряс головой, чтобы все мысли распределились в ней более равномерно и по возможности заняли привычные места. Потом встал и смущенно сказал:

– Все хорошо, спасибо! Что бы вы хотели?

Незнакомка посмотрела на Барбóне и рассмеялась тихим низким смехом, так естественно и мило, что Пуделькy показалось, что они знакомы уже давно и их связывает многое, очень важное.

– Я бы выпила кофе… Капуччино! И Вам тоже, по-моему, горячий кофе пойдет на пользу. Вы же делаете кофе? – Она оглянулась вокруг, заметила большую кофейную машину сбоку на стойке и удовлетворенно кивнула.

***

Барбóне уже совсем пришел в себя, теперь он привычно готовил две большие чашки капучино – для себя и для нее – и все время украдкой рассматривал посетительницу. Высокая, с идеальной фигурой, как у топ-модели, одетая элегантно и стильно, на высоких каблуках – Барбóне не разбирался в моде, но был уверен, что каждая вещь на ней была сделана самыми известными дизайнерами-кутюрье, и не исключено, что специально для нее. Светлые средней длины волосы, какого-то необычного платинового оттенка, выглядели так естественно и элегантно, как будто она только что вышла от своего постоянного и очень хорошего стилиста. Красивое лицо не отпускало, Барбóне хотелось снова и снова смотреть на эти выразительные скулы, резко очерченные губы, идеально ровные белые зубы, прямой нос и – главное – глаза. Большие, какой-то нереальной, идеальной формы, умные, серо-голубые, полные света и тепла, такой цвет имеет южное летнее небо в первые пять минут после заката.

– У вас тут так уютно. И такой запах… Мне кажется, что сегодня я не смогу удержать себя и сделаю что-то ужасное, чего не делала уже много лет. Я съем пирожное!

Барбóне посмотрел на нее круглыми глазами от удивления.

– Вы не ели пирожных уже несколько лет?!

Она опять засмеялась своим глубоким естественным смехом:

– Вы не знаете, что такое диета, и слава Богу. Кстати, и хлеб тоже я не ем, уже несколько лет. Когда нужно выбирать из двух удовольствий, я всегда выбираю большее. А именно, удовольствие нравиться себе, когда смотришь на себя в зеркало. Ради этого приходится кое от чего отказываться.

Барбóне поставил кофе на столик и снова украдкой посмотрел на нее. Удовольствие смотреть на нее – ради этого он мог бы отказаться даже и от пирожных. На какое-то время.

– Но сегодня я сдаюсь. Дайте мне, пожалуйста, вон ту маленькую корзинку со свежей земляникой. Кажется, она самая “полезная” из всего, что тут у вас есть.

Барбóне быстро сервировал две корзинки с земляникой, для нее и для себя – блюдце, салфетка, веточка свежей мяты, ложечка – и сам неуклюже присел к ней за столик, примостившись на самый краешек стула. Незнакомка оценивающе осмотрела пирожные и улыбнулась.

– Я неважный кулинар. В жизни не сделала ничего сложнее яичницы-глазуньи. Но всегда восхищаюсь истинным мастерством. Просто совершенство! Кто делает все это великолепие? Вы?

Барбóне смущенно кивнул.

– Вы?! Своими руками, один? Все это? – Незнакомка сделала широкий взмах рукой в сторону витрины.

Пуделек наполнился чем-то таким объемным и сложным – гордость, радость, надежда и что-то еще, чего никогда до сих не ощущал. Незнакомка откусила кусочек пирожного и теперь наслаждалась вкусом, закрыв глаза. Потом внимательно посмотрела на Барбóне и улыбнулась:

– Как вас зовут, маэстро?

– Ббб..Барбóне …

– Вам очень подходит это имя. Барбóне . А я – Лили Марлен.

Она протянула ему руку, Барбóне нерешительно взял ее и слегка потряс, не зная, что с ней дальше делать. Лили сразу не отняла руки, и засмеялась. Потом она, вернувшись к кофе с пирожным, спросила:

– А что еще интересное есть в вашем городе?

Барбóне не знал, что сказать. Он прожил в этом городе всю жизнь, и ему все тут, в принципе, было интересно. Но он сомневался, что Лили Марлен спрашивала его об этом. Он стал мучительно вспоминать, но все было не то:

– В центре можно хорошо погулять. Там магазины и разные музеи… Еще есть озеро и большой лес…

– Ну да. Я так и думала. – Лили Марлен отложила ложечку и вытерла губы салфеткой, – А чем вы занимаетесь в свободное от работы время, славный Барбóне ?

“Славный Барбóне ”. Его сердце ударило еще один раз и совсем остановилось. Ему стало очень тепло, он снова покраснел от макушки до кончиков пальцев. При этом в голове Пуделька не было ни одной подходящей мысли, чтобы поддержать приятную беседу. Ведь нельзя же сказать ей, что обычно он просто разговаривает с Андерсеном про жизнь, читает книжки из библиотеки, гуляет с Шапкой, когда у нее есть время, навещает маму… Это совершенно не подходящие дела для кого-то, кто пьет кофе с Лили Марлен. И вдруг его осенило!

– Я с одним моим другом собираюсь в экспедицию за Лу…

… И Барбóне понял, что только что он почти уже выдал ту страшную тайну, о которой должен был молчать даже под пытками врагов. Он с ужасом уставился на Лили Марлен. Она же, казалось, пропустила мимо ушей то, что он почти что сказал. Она рассеянно смотрела куда-то на улицу, через большое витринное окно, перед которым они сидели, и улыбалась – так красиво, так благожелательно, что Пудель сразу забыл все свои тревоги. Если бы можно было весь день просто так сидеть рядом с Лили, пить кофе и говорить. Барбóне все-таки постарался немедленно переменить тему.

– А вы, что вы делаете в нашем городе?

Лили Марлен посмотрела на Барбóне и вздохнула:

– Работа, работа…

– Вы – актриса? Вы на съемках тут у нас?

Она снова, улыбаясь, перевела взгляд на улицу:

– Ну да… Готовимся, пока что подбираем места…

Утреннее солнце совсем по-летнему заливало кондитерскую ярким теплым светом, Лили Марлен сидела перед Барбóне как актриса на сцене в лучах прожектора. Он понял, что не может определить ее возраст. Она легко могла быть его ровесницей, но, вместе с тем, ей также могло быть и сильно за сорок. Красивые женщины не имеют возраста. И у женщины нельзя спрашивать, сколько ей лет – Барбóне помнил уроки хорошего тона из детства, так его учила мама.

Она сделала последний глоток кофе и поставила пустую чашку на столик. В лучах яркого света что-то блеснуло на ее запястье, крошечный солнечный зайчик на секунду ослепил Пуделя.

– Ой… – вырвалось у Барбóне , он непроизвольно зажмурился.

Лили Марлен засмеялась своим глубоким теплым смехом.

– Простите, я ослепила вас. Это все мой браслет, мой талисман.

Она протянула руку, чтобы Пуделек смог рассмотреть поближе. На ее запястье был тонкий браслет светлого металла, в середине его мерцала, переливаясь оттенками серо-голубого и серебра, очень крупная жемчужина в изящной оправе.

– Когда я родилась, фея-крестная надела мне на руку этот браслет. Она сказала, что он будет расти вместе со мной и, пока я не сниму его, он будет меня хранить. Видите эту жемчужину? Это “Великая Малая Луна”, по легенде крестоносцы привезли ее в Европу из Иерусалима и почитали как большую, великую святыню. Не знаю так ли это. И почему малая? Наверно где-то есть и большая? Я никогда не снимала браслет, он рос вместе со мной. И хранил меня.

– Как интересно. А если его снять?

– Не стоит, – она вдруг стала серьезна и посмотрела на часы над дверью, – Боже мой, уже почти 10, мне нужно немедленно идти!

– Как? Уже? Почему?

– Нужно… – она улыбнулась, – Но я еще зайду к вам, чтобы выпить кофе.

– Когда?

– Вы не успеете соскучиться, славный Барбо́не . До свидания, хорошего дня!

– До свидания…

Дзынь-дзынь – прозвенел колокольчик над дверью.

Вы не успеете соскучиться. Славный Барбо́не . Пуделек убирал со столика и вполголоса пел что-то необычайно сложное и красивое, что само собой складывалось у него в сердце и перетекало через горло и рот в этот залитый солнцем мир. Может, быть уже завтра? Лили Марлен. Великая Малая Луна.

Глава 9, в которой Барбóне идет на ужин к родителям

Часы пробили половину и сразу следом звякнул таймер на плите. Мама достала из духовки большое блюдо с запеченной рыбой со сливочным соусом под сыром и поставила его на стол перед Барбóне . Пуделек почувствовал знакомый с детства аромат маминой кухни. И сразу понял, что она забыла положить в соус мускатный орех и тимьян. Последнее время Мама стала очень невнимательна.

Сегодня Пуделек ужинал у родителей. Это было их семейной традицией. Один раз в неделю – обычно в рабочий день – он приходил на ужин, и один раз в неделю – на обед, чаще всего в выходной.

– Как прошел твой день, сын? – Папа оторвался от газеты “Городской вестник”, которую он читал, сидя в кресле у окна, поближе к свету.

– Ой, представляешь…

Барбóне уже собрался рассказать про грядущее повышение цен на пуговицы и предусмотрительную госпожу Вольф, про Прелестную Синьору и ее аппетиты, про Мытаря Нуну. И конечно, про Лили Марлен. Но он вовремя спохватился, что родители ведь не знают о том, что он работает в кондитерской. Поэтому он только и сказал:

– … Все очень хорошо.

А про себя подумал: одно нехорошо, что все время приходится врать и не договаривать. Барбóне был очень правильной собакой.

– Отлично, сын. Начальство тобой довольно?

– Да, очень, – Барбóне подумал, что тут он сказал чистую правду. Госпожа Вольф действительно была им довольна. Она так и сказала, когда вернулась и увидела, как много выпечки продалось у Барбóне за полдня, пока ее не было.

– А коллеги? Ты поддерживаешь с ними хорошие личные отношения?

Барбóне подумал, что, если бы у него были коллеги, то он бы, наверняка, поддерживал с ними самые хорошие личные отношения.

– Ну, да…

– Отлично, сын! – папа был доволен ответами и, на самом деле, не очень хотел знать намного больше. Он вернулся назад к газете.

Мама поставила на стол плошку со свежими овощами и хлеб:

– Папочка, садись уже, наконец, за стол, будем ужинать.

– Есть!

Папа привык сразу исполнять все мамины указания. Поэтому он моментально переместился за стол. Но читать газету он так и не перестал:

– Представляете, вчерашний ураган повалил у нас в городе 12 деревьев, в том числе старинный дуб, который рос в парке, ему было лет 600, не меньше. Раздавило несколько машин. К счастью, без жертв. А в психиатрической больнице сорвало крышу. Интересно, как они теперь…

– Ну, им не привыкать, – мама сосредоточенно распределяла еду по тарелкам. Теперь она накладывала Барбóне – Тебе больше рыбы или картошки? Соусом полить? Ты как любишь?

Барбóне удивился, что мама стала такая рассеянная. Ведь он всегда, с детства, не очень любил рыбу, зато любил картошку и сливочный соус. Странно, что она этого не помнит.

– Больше картошки и соуса, а рыбы немного.

– Угу… Про ураган: как там у тебя дома? Все обошлось, без разрушений, окна целы?

– Ой, вчера было очень интересно! Я в библиотеке вчера познакомился с одним изобретателем…

Ну вот, проговорился… Барбо́не так до сих пор и не решил, стоит ли ему сообщать родителям про Шмортика и экспедицию. Но как-то неожиданно для себя уже начал рассказывать. Но если рассказать все, как есть… Барбо́не вообще по жизни было сложно хранить в себе какую-то интересную информацию, она почему всегда сама выскакивала из него, стоило ему немного отвлечься. С другой стороны, можно рассказать родителям только самое интересное, но не все. Самые важные и опасные обстоятельства можно пока опустить, просто чтобы не волновать маму. Вот если мама спросит “А не собираетесь ли вы в экспедицию на Луну?”, тогда уже придется думать, что ей сказать…

– В библиотеке? Интересно… О! Смотрите-ка, пишут, к нам приезжает цирк… – Папа читал свою газету и не очень слушал, что говорит Барбо́не .

– Ой, папочка, подожди ты, пожалуйста, со своим цирком! Лучше ешь, а то остынет! Какой изобретатель, изобретатель чего? – мама удивленно посмотрела на Барбо́не .

И Барбо́не рассказал про очень умного и немного странного Шмортика, и про его быструю машинку на трех колесах, про закрытую фабрику, набитую разными интересными вещами, про очень организованных мышей. И про то, что Шмортик изобретает разные механизмы, и что он почти уже нашел рецепт бессмертия, но потом увлекся аэронавтикой. И про то, что он, Барбо́не , приготовил им вчера ужин. Он только не рассказал, что Шмортик его очень похвалил за полезность и вспомогательность, и предложил полететь с ним на Луну. И пообещал, что они станут сказочно богатыми и Барбо́не купит себе машину, пианино и несколько заводов. Но и того, что Барбо́не рассказал, хватило, чтобы мама встревожилась.

– Звучит очень необычно. Какой странный этот твой Шмордель.

– Шмортик.

– Ну да. Какой-то он очень странный. И почему он живет на старой фабрике, а не в человеческом доме, как все остальные люди?

– Что ты, это же очень удобно! Чтобы там на месте строить ракету, и если вдруг что-то пойдет не…

Барбо́не прикусил язык, потому что понял, что уже второй раз за сегодняшний день почти выдал страшную тайну. Конечно, мама – это не опасные конкуренты на службе злодейских корпораций, но все равно. Барбо́не решил, что нужно скорее сменить тему.

– Мне кажется, в рыбе не хватает перца и мускатного ореха. Ой, мама, ты знаешь, что если в соус к рыбе добавить немного шафрана…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.